

Татьяна Юрьевна Степанова

Звезда на одну роль

*Текст книги предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121603
Степанова Т. Звезда на одну роль: Эксмо; М.; 2003
ISBN 5-04-006185-4*

Аннотация

Каждая актриса мечтает о том моменте, когда взойдет ее звезда. Грезили об этом и те юные блондинки, тела которых, одно за другим, были обнаружены на стройках и в подмосковном лесу. Чьих рук это дело? Неужели объявился новый маньяк-серийник? Начальник "убойного отдела" Никита Колосов начинает расследование этих загадочных убийств. Помочь ему решает журналистка Катя Петровская. Ведь одна из погибших актрис ее близкая подруга...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	22
Глава 4	28
Глава 5	35
Глава 6	39
Глава 7	46
Глава 8	52
Глава 9	58
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Татьяна СТЕПАНОВА

ЗВЕЗДА НА ОДНУ РОЛЬ

Пролог

На перекрестке между Пречистенским бульваром и бывшей Кропоткинской улицей под самым светофором остановилась машина – синий, сверкающий лаком «Порше», столь еще редкий на московских улицах. В машине сидели двое мужчин. Водитель не отрывал взгляда от огней светофора, запрещающего поворот, а пассажир всматривался во мрак за окном – первый час ночи, Пречистенский бульвар пуст и занесен снегом, липы – точно старая гвардия у древних ворот – темные, безмолвные, безучастные и к этому сумраку, и к тишине, и к безлюдью. Зимний ветер – бездомный бродяга, словно Соловей-разбойник свистит, сбивает с голых ветвей смерзшиеся комки снега.

На улице – ни души. Вон только собака бежит через дорогу – худющая, костлявая дворняга, рыжая и страшная. Торопится что есть мочи, подскакивает на трех лапах, поджимая искалеченную, затравленно оглядывается по сторонам. Боль и злоба в собачьих глазах, голод и тоска. Скалит дворняга зубы на синего металлического, дурно пахнущего бензином пришельца и скрывается в темном переулке.

И снова пуста улица, и только свистит ветер. И мерцает в ночи багровый огонек – то ли фонарь, то ли сломавшийся светофор на перекрестке.

Пассажир «Порше» взглянул на часы, нетерпеливо сказал водителю:

– Ну же, мы опаздываем. Нас ждут через двадцать минут.

Водитель смотрит на него искоса.

– Обычно я не нарушаю законов в чужих городах и не имею дела с полицией, это не в моих правилах, но раз мы опаздываем... – Он мягко трогает машину с места и едет на красный свет.

«Порше» словно влипает в асфальт стремительной мощной тенью.

– Я не намерен сегодня опаздывать, – ворчит пассажир. – Я вообще не намерен опаздывать. У меня тоже свои правила, не забывай. – Он вздыхает и смотрит в зеркальце. Он – плотный, лысоватый мужчина средних лет, с усталым обрюзгшим лицом. Одет в отличное пальто от дорогого европейского портного, под коричневым в золотистую крапинку кашемировым шарфом виднеется воротничок белоснежной сорочки. – Я не намерен опаздывать. Туда, куда мы едем, опаздывать не принято. И вообще, это только здесь у нас, в родных пенах, у отеческих гробов, опоздание – вещь, вполне совместимая с порядочностью. Ее тут искупают простые извинения. Но там, там, друг мой, где я провел почти четверть века, никто никуда давно уже не опаздывает. Это повсеместно дурной тон. Европа давно уже живет по своему собственному времени.

– Прошу прощения, шеф. – Водитель чуть усмехнулся, он был тоже средних лет, горбоносый и смуглый и говорил с каким-то странным акцентом. Так говорят на родном языке те русские, которые родились за границей – где-нибудь в третьем, а то и в четвертом колене эмиграции. – Простите, я всегда забываю, что вы жили в Париже.

– А ты в Сиднее. Знаю, помню. Но все равно не надо язвить, мой друг. Я не забываю, что мы – осколки одной старой, некогда разбитой вазы. Твои дворянские предки – беглецы от всех революций, мое голодное военное детство, твой австралийский колледж – это ведь был полупрофессиональный ринг в Алис-Спрингс, – видишь, я ничего не забываю, и мой побег в семьдесят первом, сразу же после нашей выставки «Москва – Париж».

Я ведь боялся пули тогда, смертельно боялся. И там, в аэропорту Ле Бурже, когда очертя голову перепрыгнул через таможенный барьер, и потом все эти долгие годы моего *невозвращения*. Все это время, когда я ходил по улицам, сидел в кафе, работал у себя в мастерской, я всегда боялся пули. Отсюда, со своей родины. И я привык быть пунктуальным, ибо дорожил каждой минутой той моей сумасшедшей жизни. И даже когда я стал богат и знаменит, когда успокоился наконец, я не изменил этой своей привычке... И вот, стоило мне только попасть в качестве гостя в эту мою такую родную и такую скудно любимую мной страну, как я снова возвращаюсь к... Нет, здесь, впрочем, кое-что тоже изменилось, пока мы не гуляли под этими липами на этом московском бульваре. И... в общем, *туда, куда мы едем, не опаздывают*.

– Сейчас будем на месте, я карту смотрел, и швейцар в «Национале» мне дорогу рассказал. – Водитель свернул в один из узких, плохо освещенных переулков, притормозив у таблички на угловом доме. – Ага, это уже недалеко.

Его пассажир потрогал рукой, обтянутой желтой кожаной перчаткой, ледяное стекло машины и прочел название улицы на табличке.

– Холодный переулок. Да. Очень символичное название. О, он даже эту мелочь учел. Он знает, где поселиться. Он вообще многое знает.

– Ну да, – снова усмехнулся шофер. – Он главное знает – сколько содрать за все это. Это просто чудовищная сумма.

– Ах, оставь, пожалуйста. – Лысоватый пассажир поморщился... – Это стоит любых денег, как мне рассказывали. Это стоит всего. Это – пища избранных. Пир богов, а боги не торгуются. Это сама Жизнь во всей ее красоте, правде и жестокости. Я ведь только ради этого и прилетел сюда, мой друг. А выставка, симпозиум и все эти встречи со здешними, ах! Ради одного этого я здесь. Нигде в мире *такого* не увидишь. По крайней мере в наши дни. Но здесь...

– Это здесь. Приехали. – Водитель затормозил у заново отреставрированного двухэтажного особняка с высокими французскими окнами и каменным крыльцом.

Окна были темны, фасад тих. Казалось, что дом необитаем, покинут людьми давным-давно. Но это только казалось...

Приехавшие на «Порше» вышли из машины. Водитель быстро взбежал на крыльцо и позвонил.

Ветер ворвался в переулок, завыл, словно свора гончих, захлопал железом на старых крышах, взвихрил снег, швыряя его в слепые черные окна.

Дверь бесшумно открылась. На крыльцо упала яркая полоса света. Водитель что-то быстро и тихо сказал по-английски. Его спутник медленно поднялся по ступенькам. Снег хрустел под его грузными шагами. Дверь открылась шире, пропуская их, и затем затворилась все так же беззвучно.

Ночь клубилась вместе с ветром в промерзшем каменном ущелье между домами – февральская, вьюжная, пронизывающая до костей, голодная ночь...

Вот снова, словно серая тень, прохромала собака, трехногая дворняга, юркнула в подворотню за домом – поближе к спасительной помойке, где ветер футболил на снегу пустые молочные пакеты и полиэтиленовые рваные мешки.

Дворняга вспрыгнула на железный контейнер и остервенело вгрызлась в отбросы. Изредка она прерывала трапезу и нюхала воздух – ветер менялся, близилось утро.

Вдруг она насторожилась. Шерсть на ее загривке вздыбилась. Собака глухо и злобно зарычала. Звук, ее встревоживший, был так неясен, так слаб, словно приглушен толстыми каменными стенами, но все равно, в этом крике ли, вопле или зверином вое – дворняга не знала, что это было, – слышалась такая мука, такая смертная боль, что она не выдер-

жала. Судорожно сглотнув, задрала острую хищную морду к темным небесам и откликнулась коротким, хриплым и траурным воем.

А ночь уходила. Тусклые московские звезды бледнели, линяли...

Дверь дома тихо открылась. На пороге показались две фигуры. Они шли к машине. Одна спотыкалась, скользила, едва не падала, другая поддерживала ее, тащила. Приехавшие на «Порше» снова куда-то отбывали. Водитель – это он лучше держался на ногах – сгрузил пассажира в салон, точно мешок, быстро обежал машину, сел за руль, мельком взглянул на себя в зеркальце и тут же отвернулся.

Его спутник, тот лысоватый в дорогом заграничном пальто, теперь кое-как застегнутом, открывавшем смятую сорочку и черный щегольской пиджак, безнадежно испорченный обильными следами рвоты на полах и лацканах, закрыв лицо руками, раскачивался взад и вперед, что-то бормоча.

Водитель пошарил рукой возле сиденья.

– Вот возьмите... возьмите же... салфетка... вы испачкали костюм... – Рука его тряслась. Он все пытался вставить ключ зажигания и не мог.

Его сосед уперся лбом в ледяное стекло.

– Не надо было... не надо было сюда приезжать, – прошептал водитель. – Черт-те что... Черт-те что! – выкрикнул он яростно.

– Господи... – Спутник его не сказал это – простонал. – Господи милосердный, и за *таких* ты распял себя, за *таких* вот ты терпел муки, отдал кровь свою, жизнь свою. За таких, что делают... *это вот?!* За меня ты отдал, который... который... – Он закрыл лицо руками. – За меня, Господи...

– Я же говорил, не надо было сюда приезжать! – шипел шофер, голос его звенел и дрожал, смуглое лицо посерело, как пепел в камине, где кончились дрова.

Он наконец справился с управлением, рванул машину так, словно стартовал не в тихом московском переулке, а где-нибудь в гонках на приз «Формулы-1».

Автомобиль синей молнией метнулся по обледенелому тротуару и скрылся из виду.

В Холодном переулке стояла мертвая предутренняя тишина. Наступал час, когда ее должен был нарушить первый троллейбус, идущий по Пречистенскому бульвару...

Глава 1

«ВАШИ ДЕЙСТВИЯ, ЕСЛИ ВЫ ВНЕЗАПНО УВИДЕЛИ ЗНАКОМЫЙ ВАМ ТРУП»

Она тысячи раз твердила себе впоследствии: лучше бы в этот день был праздник или выходной, ей не надо было бы идти на работу. Если бы она осталась дома, то не увидела бы ЭТОГО никогда. И слава Богу. Может быть, вся эта история миновала бы ее. Вся эта страна, кровавая сказка осталась бы за бортом ее жизни.

Но день был обыкновенный, рабочий. Она сидела на своем месте, как говорили там, где она трудилась и получала зарплату, – *была на посту*. Словно часовой при пороховом погребе.

Она – Катя Петровская, криминальный обозреватель, капитан милиции. И случилось так, что по стечению обстоятельств ей пришлось ЭТО увидеть.

По своей профессии ей приходилось быть очевидицей многих вещей. Таких, о которых добропорядочные граждане обычно стараются не вспоминать к ночи, а увидев по телевизору, жадно прикипают к экранам. Смерть человеческая обычно собирает множество любопытных. И не имеет значения – смерть ли это от удара молнии в августовскую грозу или гибель от рук безжалостного наемного убийцы, нанятого коварным и корыстным врагом.

Итак, она увидела это. И если бы ей пришлось писать об этом статью, а это было ее ремесло, которым она вот уже несколько лет зарабатывала себе на хлеб насущный, она по свойственной ей привычке придумала бы началу ВСЕЙ ЭТОЙ ИСТОРИИ весьма хлесткий заголовок: «ВАШИ ДЕЙСТВИЯ, ЕСЛИ ВЫ ВНЕЗАПНО УВИДЕЛИ ЗНАКОМЫЙ ВАМ ТРУП».

А началось все с обычного служебного разговора. Разговора о том, что...

– Все происходит оттого, что ты не уважаешь своего читателя. Именно не у-ва-жа-ешь! – С такими словами Горелов начал перебирать свежие газеты, кучей громоздившиеся на его столе.

Катя только улыбнулась. Она знала все, что скажет ей этот миловидный молодой человек в очках с тонкой золотистой оправой и свитере исландской шерсти.

– Да, Катенька, да. Ты только полюбуйся на заголовки: в «Подмосковном вестнике» – «Жених из морга», в «Ведомостях» – «Секс в сапогах», в «Голосе столицы» – «Властелин туалета». А я еще до твоих журнальных статей не добрался!

– Они *это едят*, Костик!

Катя произнесла фразу самым легкомысленным тоном, на какой только была способна. И для пущего эпатажа достала из сумочки пудреницу и начала сосредоточенно изучать свое отражение в маленьком зеркальце.

– К тому же заголовки придумываю не я, а редактор. Почему же ты дальше не продолжаешь?

Горелов размахисто развернул газету, углубился в текст Катиной статьи и фыркнул.

– У тебя легкое перо. Легкое и наглое. Действуешь по принципу: пришла, увидела, накатала статью. И что самое интересное, все тебе сходит с рук.

– Пока, – усмехнулась Катя.

– Читатель же наш, как ты выражаешься, ест эти... эти... – Горелов щелкнул пальцами, подыскивая наиболее деликатное слово. – Эти новости...

– Эти бредни...

– Новости. И дуреет день ото дня. Дуреет и тупеет. А все потому, что ты его не уважаешь. Впрочем, это не только твой грех. Вся пресса сейчас...

– Что делать. – Катя защелкнула пудреницу и положила ее на пишущую машинку. – Уж такая я плохая. Но признайся, Костик, что, открывая газету и скользя по заголовкам утомленно-интеллектуальным взглядом, ты среди всей этой лабуды невольно, подсознательно тоже ищешь какой-нибудь «Труп за углом», «Мафия бессмертна» и тому подобное. Хочется ведь пощекотать себе нервы, а? Хочется? Или у тебя нет нервов, Костик?

Горелов только махнул рукой. Подошел к маленькому столику у стены, где стояли общественный электросамовар, чашки, чайник, баночка кофе и чай в картонной коробке. Час послеобеденного чаепития был священен. И тратить его на пустые препирательства Горелов не собирался.

Кабинет, где происходила вся эта беседа, располагался на четвертом этаже желтого массивного здания с мраморным подъездом, украшенным внушительной вывеской: «Главное управление внутренних дел». На двери кабинета красовалась приколотая кнопками бумажка с надписью крупными печатными буквами: «Пресс-центр. Издательский отдел. Телегруппа».

– Тебе кофе или чай? – спросил Горелов, включая самовар в розетку.

– Я еще не решила. Пусть закипит. – Катя встала из-за стола и прошлась по узкому пространству между окном и двумя компьютерными стойками, придвинутыми к стенам.

– А печенье? – спросил Горелов и взглянул на часы. – Печенье хочешь? Буфет еще открыт. Могу сбегать.

– Спасибо, Костик, я хую.

– Опять? Ты же уже худела месяц назад. Снова пост?

Катя открыла шкаф и критически оглядела себя в зеркало. Килограммы, килограммы... Худей не худей, а худосочной ее бы все равно никто не назвал. Хорошо еще рост спасает – 175 см.

Катя гордилась своим ростом. Ей нравилось быть высокой. Она не терпела маленьких женщин, и среди ее подруг и приятельниц почти не было коротышек. А вот среди приятелей коротышки были. Катя знала, что она нравится маленьким мужчинам. Что ж, и Наполеон был не саженого роста.

– Какой у тебя пост на этот раз? – поинтересовался Горелов, заваривая кофе.

– Великий, – ответила Катя. – Великий пост. Но он скоро кончается, в этом году ранняя Пасха. – Она взяла из рук Горелова чашку и села за свой стол. – Сводки сегодняшние видел?

– Угу. – Горелов хрустел печеньем. – В дежурной части можешь взять.

– Есть что-нибудь?

– Есть, есть. А когда у нас не было? Пережаренных сенсаций хоть отбавляй. И все в таком ключе: «Утоплен в унитазе», «Расстрелян в упор». Газеты, чтоб их!

– Как говорил Саша Черный: «Получая аккуратно каждый день листы газет, я с улыбкой благодатной, бандероли не вскрывая, аккуратно, не читая, их бросаю за буфет», – пропела Катя. А затем спросила: – Убийства есть?

– Пять или шесть. Четыре бытовухи, один какой-то несчастный случай и... не знаю уж, что там тебя заинтересует. – Он протянул ей коробку с печеньем. – На. Бисквиты. Ни грамма тебе не прибавят.

Катя выбрала печенье в форме обсахаренной звездочки. Она решала принципиальный вопрос: что сделать сначала? Пролистать сводки или позвонить Никите Колосову – начальнику отдела по раскрытию убийств и тяжких преступлений против личности.

Вдруг в кабинет вошел шеф телегруппы Тим Марголин. Как оказалось (Катя была в этом убеждена впоследствии просто железно), его вела сама СУДЬБА...

Марголин вывалил на стол гору видеокассет.

– Катюш, видала наследство? Степка оставил.

Напарник Марголина Степан Осташенко вчера шумно уходил в отпуск. Конец зимы – неподходящее время для отдыха, но что поделаешь? В милиции отпуска берут не когда хочется, а когда начальство не возражает. А оно возражает обычно во все времена года.

– Он на этой неделе что-нибудь снимал? – осведомилась Катя.

– А как же. ДТП на двадцать третьем километре Ленинградки, ну, в этом чертовом Бермудском треугольнике нашем, потом как банду Грядкина брали, потом...

– Он с сыщиками в гости к Грядкину ездил, да? Их на Клязьме, кажется, взяли, в кемпинге? Я сводку читала. – Катя поворошила кассеты. – Где эта пленка, дай-ка мне посмотреть на этот захват, мне для статьи впечатления от живой картинке нужны.

– Вот, кажется, самая последняя кассета, он тут даже числа пометил. – Марголин включил телевизор и видео.

Замелькали кадры: разбитые грузовики в кювете – съемка ДТП, дюжие качки в камуфляже – областной спецназ, – сигающие в окна какого-то весьма красивого коттеджа из красного кирпича с черепичной крышей. А вот и господин Грядкин, лидер знаменской ОПГ – организованно-преступной группировки, разыскиваемый за совершение серии нападений на пункты валютного обмена. Ну и физиономия, прости Господи!

Катя чуть перемотала пленку. На следующем кадре вся знаменская ОПГ тихонько лежала на снегу, ручки за спиной, лиц не видать – в снег втиснуты, в последний февральский грязный снежок. Она снова перемотала пленку чуть вперед и...

Это тело было совсем иным. Его сняли крупным планом. Тоже на снегу, тоже лицом вниз. Но поза другая – окоченелая, мертвая, бездыханная. Труп. Катя оглянулась на Марголина.

– А это что такое?

Тот пожал плечами.

– Не знаю, Степка, видно, с Клязьмы еще куда-то заехал, ну и снял попутно. Что-то там произошло. Чей труп-то? А, смотри, наш кто-то подходит, переворачивает.

На экране появились чьи-то сапоги и милицейские брюки. Верхняя часть туловища их владельца в кадр не попала. Но вот он склонился над трупом, тут стала видна его милицейская фуражка, смутный профиль и ярко-алое на зимнем ветру ухо. Он, видимо, перевернул труп на спину.

Камера чуть отъехала, снимая панораму места. «Стройка какая-то, что ли?» – подумала Катя. Ее внимание снова переключилось на труп. Женщина. Блондинка. Дубленка на ней синего цвета. Такие в салоне на Дмитровке продаются, итальянские. Лицо... Она быстро отвела глаза. Ну же, ты же не кисейная барышня. Это твоя работа. Ты не должна бояться их, они мертвые. А то, что они так уродливы, так пугающе уродливы, так это оттого, что они уже ТАМ... Там – на пиру, где, как говаривал принц Гамлет, не они едят, а *их*. Смерть красивой редко бывает. Она почти всегда *не эстетична*. Оттого-то мертвых так трудно узнавать. Вернее, *опознавать*.

Камера снова отъехала куда-то вбок. Осташенко, видимо, привлекло что-то еще. Ага, понятно – вещи. Вещи, разложенные на снегу: какая-то книжка и сумка. Оператор наклонился, снимая сумку крупным планом. Коричневая, кожаная, с золоченой застежкой. Форма новомодная – этакий мягкий мешочек с ушками, золотая монограмма, латинские буквы К и Х.

Катя от неожиданности подалась вперед. Что за черт! Сумка. Точно такую некогда она страстно желала иметь. Ибо увидела ее у Светки, та, помнится, даже обрисовала ей визуально, как добраться до павильона «Кожгалантерея» на ВВЦ, Катя поехала туда в первый же выходной, но сумок таких там уже не было. Сумку-мешочек она так и не купила, но, проходя мимо витрин на Тверской, где были выставлены кожаные изделия, она всегда вспоминала

Светкину обновку, потому что все сумки казались Кате не такими, одна только Светкина такой и...

Катя перемотала пленку назад. Отчего ей стало не по себе? Нажала на стоп-кадр. Да что с тобой такое? Что ты устави́лась на этот лайковый мешок? Мало ли сумок в Москве? Она отпустила пленку. Но съемка закончилась – на кассете, видимо, не хватило места. Так что же там все-таки произошло? Чей это труп? Что за происшествие снимал Остащенко? *Как зовут убитую блондинку?*

Никто не сказал Кате, что эта женщина на пленке убита. Марголин ничего не знал, а Остащенко давно катил в поезде в родные пенаты, куда-то в Воронеж, радуясь, как все отпускники.

НИКТО НЕ СКАЗАЛ ЕЙ, ЧТО ОНА УБИТА, НО... В Катиной жизни, в Катиной службе милицейской и в службе всех ее друзей, знакомых и коллег было столько этих самых «но», что ей всегда приходила на ум одна и та же ассоциация: тело – труп – преступление – убийство. Однако надо было убедиться.

Катя пошла в дежурную часть главка за сводками. Ей нужны вчерашняя и позавчерашняя – их она еще не успела как следует изучить. Толстый том оттягивал руку. Господи, сколько понаписали, сколько насослаивали, думала она, карабкаясь по лестнице к себе на этаж.

Так, что у нас произошло за сутки? Ее, собственно, интересовало только одно-единственное происшествие. Однако случай, вынесенный на первую страницу сводки за истекший день, не мог не привлечь ее внимания как репортера. Нет, здесь такие дела, что все остальное подождет...

«В 9.00 в поселке Жигалово на улице Лесной в своей квартире номер 14 с колото-режущими ранами и черепно-мозговыми травмами обнаружены члены семьи Силиных, – медленно читала Катя. – Муж и жена – пенсионеры, их дочь 25 лет, их внучка 3 лет. Принятыми мерами оперативно-розыскного характера было установлено, что указанное преступление совершили жители Новгородской области Кочет и Чистяков. Оба преступника задержаны по ст. 1 Указа Президента РФ. По предварительным данным, убийство совершено с целью последующего завладения квартирой. Ведется проверка на причастность указанных лиц к совершению аналогичных преступлений на территории Московской области».

Катя взялась было за телефон, но затем, увидев в списке «на место выезжали» фамилию Колосова, положила трубку на место. Нет, *о таком деле*, когда вырезают семью из четырех человек, среди которых крохотная девочка, Никиту нельзя спрашивать по телефону. Лучше зайти к нему попозже. В конце рабочего дня. Она взглянула на часы на стене – половина шестого. Минут через пятнадцать можно зайти. А сейчас надо досмотреть сводку.

Горелов, ожесточенно стучавший на машинке очередной обзор прессы за текущий день, вывел наконец свою любимую фразу: «Критических материалов в адрес ГУВД не опубликовано». Он вытащил лист из машинки и отключил ее от розетки.

– Все, старушка моя, – бормотал он, ласково потрепав ее по пластмассовому боку. – Ишь, перегрелась даже от усердия. Пани Катарина, я побежал. Мне еще в «Щит» сегодня надо заскочить. – Он уже на ходу натягивал на себя пуховик и обматывал шею клетчатым шарфом. – Материалы какие-нибудь сбросить?

– Я же не уважаю своих читателей, – напомнила ему Катя.

– Э! Пустяки. Я погорячился. Прощу извинить. Был не прав. Готов искупить. Готов собственной кровью, так сказать... смыть это... – Он на ходу чмокнул ее в щеку. – Ну, я полетел. Если позвонит Гордеев из «Криминальной полосы», скажи, что я заскочу к нему в семь. Пусть меня обязательно подождет.

Катя, горя от нетерпения, сделала все необходимые пометки по поводу убийства семьи Силиных, особенно тщательно выписывая фамилии тех, кто выезжал на место происше-

ствия. Затем она жирно обвела фломастером фамилии убийц. На этих подонков хорошо бы взглянуть воочию. Интересно, где их содержат сейчас? В Волоколамском изоляторе или нет? После она лихорадочно пролистала сводку до конца. Взгляд ее то и дело обращался к стенным часам.

В разделе «Иные происшествия» маячило одно-единственное сообщение. Катя прочла его. Затем прочла снова. И *снова*, еще не веря...

Заложив лист шариковой ручкой, подошла к внутреннему телефону и набрала номер.

– Алло, соедините с Каменском.

В трубке что-то щелкнуло. Послышались нудные гудки.

– Дежурный по Каменскому ОВД майор милиции Строев слушает.

– Пресс-центр ГУВД. Петровская. Соедините, пожалуйста, с Сергеевым.

В трубке снова что-то щелкнуло. Катя напряженно ждала.

Александр Сергеевич, начальник ОУР каменской милиции, был на месте.

– Саш, добрый вечер. Катя Петровская.

– Здравствуй, Катя. – Сергеев, как всегда, куда-то спешил. Хрипловатый баритон его был деловит и резок.

– Скажи, пожалуйста, как зовут ту женщину, что обнаружена у вас на стройке? Здесь в сводке только инициалы. Красильникова, а дальше как?

Сергеев хмыкнул.

– Только для тебя. – Он зашуршал бумагами. – Красильникова Светлана Николаевна, двадцати восьми лет, проживает: Москва, улица Героев Панфиловцев, дом восемь, квартира... Она, кстати, в розыске была в Москве как без вести пропавшая.

– Как без вести пропавшая? – недоуменно переспросила Катя.

– Угу. С девятнадцатого февраля. Бог ее знает, как ее к нам на стройку занесло. Но это не мое, Катя. Несчастный случай. Вроде бы. Там будет медицинское заключение.

– Экспертиза? – уточнила Катя.

– Угу, – снова, как филин из дупла, ухнул Сергеев. – Именно. Ты-то у нас когда появишься?

– На той неделе обязательно. А когда точно будет экспертиза? – спросила Катя.

Она не успела услышать ответ. Там, в кабинете Сергеева, раздался телефонный звонок. Длинный, тревожный. Катя, даже находясь от него в нескольких десятках километров, поняла – что-то случилось.

– Подожди секунду, я переговорю по другому телефону.

Она терпеливо ждала. Что там еще такое? Вот Сергеев кому-то крикнул: «Этого не может быть! Да куда же вы смотрели!» Вот выругался.

– Извини. – Он тяжело, гневно дышал.

– Что, неприятности?

– Да черт их поймет всех! Вот денек-то!

– А что стряслось-то?

– Да эта, ну та, со стройки, о которой ты спрашивала...

– Красильникова?

– Это насчет нее мне сейчас звонили.

– Кто?

Сергеев молчал. Катя всей кожей ощущала, как он злится и как сдерживается.

– Что же с Красильниковой? Ты же сказал, несчастный случай.

– Вроде... да... – Он говорил это теперь совсем не так. Катя прекрасно умела разбираться в его интонациях. – Чертовщина там какая-то...

– Господи, да что?

– Я сам еще толком не пойму. Новости мне тут подбросили, да такие, что... Ладно, Катя, ты меня извини. Мне тут срочно отъехать надо. Звони, приезжай.

Она повесила трубку. Перед ее глазами было тело, увиденное ею на видеопленке. Мертвое, изуродованное тело. Что же там все-таки произошло? Что так внезапно могли сообщить Сергееву? Почему он уже не уверен, что это несчастный случай? Куда он так спешно сорвался?

Катя глядела на лист сводки. Итак, Светка Красильникова умерла. Светка умерла... Она вдруг с неожиданной ясностью вспомнила, как видела ее каких-то три месяца назад в маленьком студийном зальчике «Щуки». Тогда ставили «Синюю птицу» и Светка играла Молоко.

Катя закрыла глаза. 28 лет. Она была моложе ее на год. У нее были светлые льняные волосы, миниатюрная фигурка и нежная розовая кожа. Никто не давал ей больше двадцати двух. А звали ее Фарфоровая Кошечка. Да-да, именно такое прозвище дал ей Бен: Фарфоровая Кошечка. И вот Кошечка мертва...

Катя захлопнула папку. Часы на стене показывали без пяти минут шесть. Никита наверняка уже вернулся. Она заперла дверь кабинета и спустилась в розыск.

Начальник «убойного» отдела, тридцатичетырехлетний майор милиции Колосов Никита Михайлович, восседал за письменным столом и ругался с кем-то по белому телефону. Красный, желтый и малиновый телефоны на его подоконнике молчали. На столе среди бумаг валялось еще и пятое переговорное устройство: радиотелефон из *трофейных*.

– А я сказал тебе: делай так, как я сказал! – отрывисто бросал он в трубку команду за командой. – Нет, так все равно не пойдет.

Трубка возражала.

– А ты ему скажи, что это наша инициатива... Интересно, кто это моим орлам через мою голову может приказы отдавать? Кто? Ну-ка, повтори его фамилию. – Лицо Колосова скривилось от ядовитого сарказма. – Это для тебя он шеф, а для меня – дядя с улицы. Ты скажи ему, что я не разрешаю. Понятно, нет? Не разрешаю... Ах, он жаловаться в главк будет? А... с ним, пусть... – Ругательство застыло на губах Никиты – он увидел входившую в его кабинет Катю. – Ну, ладно. Лад-но! Да не ори ты, ко мне люди пришли. Лю-ди! Я ему сам потом позвоню. Какой у него номер? – Зажав трубку плечом, он быстро черкнул что-то на календаре. – Ладно, отбой.

Катя стояла, выпрямившись во весь свой 175-сантиметровый рост. Колосов махнул рукой.

– Присаживайся, чему обязан столь неожиданным посещением?

С Никитой Катя никак не могла найти нужный тон разговора. Колосов умел одну и ту же фразу произнести с десятью самыми различными нюансами. Иногда было трудно понять, говорил он серьезно или вешал лапшу на уши, в чем, по его собственному признанию, он был великим умельцем.

В первый раз, когда они познакомились, Катя вежливенько обратилась к грозному начальнику «убойного» отдела:

– Никита Михайлович, вы...

– Простите за нескромный вопрос, сколько вам лет? – осведомился вдруг Колосов.

– Двадцать семь.

– А мне тридцать два, – ответил он. – Я вам в отцы не гожусь, солидности еще не добрал. Так что зовите меня Никитой и на «ты», пожалуйста. Мы ведь коллеги, правда? – При этом в его зеленых глазах мелькнула какая-то искорка.

С тех пор они были на «ты», однако сердечности их отношениям это не прибавило.

– Из района только что приехал. Не ел еще даже, – пожаловался он. – Кофе хочешь?

В розыске нельзя быть строптивой: предлагают тебе кофе – пей не отказываясь. Просят разрешения закурить в твоём присутствии – разрешай, не кобенься. Розыск недаром считает себя солью земли, *настоящими мужиками*. А настоящие, как известно, любят повелевать. Не надо отказывать им в этом маленьком удовольствии.

– Только полчашки и несладкий, – сказала Катя. На самом деле она знала, что сейчас ей не удастся сделать и глотка. – Ты в Жигалово выезжал, да? – спросила она тихо.

Никита молча кивнул. Лицо его как-то сразу застыло.

– Ты их видел?

Он снова кивнул. Переложил трофейный радиотелефон на подоконник и взял оттуда жестяную баночку кофе и два подозрительно мутных на вид граненых стакана.

– Крови много? – спросила Катя.

Он обернулся.

– Крови много, Катерина Сергеевна. Там двухкомнатная квартира. Дом сталинский, в самом центре, на площади. Стены – как в дзоте, потолки – четыре метра. Кухня просторная. В общем, квартирка что надо. Выгодная. – Он умолк, поболтал ложкой в своём стакане, размешивая сахар. – В меньшей комнате жили старичок со старушкой. Силины – пенсионеры. А в большой их дочь и внучка Леночка, трех годиков от роду... Там их всех и нашли. Девочке он разбил голову железным прутком. Она даже не успела проснуться.

– Кто он? Чистяков или Кочет?

Никита вскинул на нее глаза. В их зеленой глубине заплескался какой-то недобрый огонек.

– А, прочла уже. Быстро ты новости сечешь. А вот в этом, милочка, и загвоздка – кто! Их задержали на одной хате. И сразу же начали допрашивать. Взрослых они на себя берут, считай, что поровну делят. А вот девочку сваливают один на другого. Один на другого, – повторил он глухо.

– Брали-то со стрельбой? – осведомилась Катя как можно вкрадчивее.

– Что? – Он о чем-то думал.

– Брали со стрельбой или нет?

– Стреляли. – Это прозвучало так же невозмутимо, как у Саида в «Белом солнце пустыни».

– А подробности осмотра места... – Катя чувствовала, что наглеет все больше и больше.

Никита достал из ящика и бросил на стол пачку цветных фотографий.

– На. Любуйся. У Тимки Марголина «Полароид» был, он для музея нащелкал.

Катя взяла в руки первый снимок. Колосов молча наблюдал за ней. Затем отвернулся к окну.

Больше всего ее поразила не мертвая девочка, нет. Она лежала в кроватке, уткнувшись в подушку, всю в красных брызгах. Ее было плохо видно в ворохе постельного белья. Рядом с кроваткой валялся розовый плюшевый заяц. Нет, не этот заяц, не пропитанная кровью наволочка, а лицо старухи Силиной, лежавшей на ковре у самой внучкиной постели, вспоминалось впоследствии Кате чаще, чем она бы того хотела.

Старуха в папилютках и ситцевой ночной сорочке, желтой в синий цветочек. По ситцу расплылось несколько крупных бурых пятен. Старуха скрючилась, прижимая морщинистые руки к животу. Рот ее свело в немом крике.

Катя просмотрела снимки. Затем наклонилась, выдвинула первый ящик колосовского стола и убрала их с глаз долой.

– Они продали квартиру, да? – спросила она.

– Продали.

– Кому?

– Тот, кому они ее продали, уже успел тоже ее продать. Он загнал ее какой-то фирме, поставляющей в Москву овощи, с переплатой загнал. А сам уж пять дней как улетел на Глифаду.

– На Глифаде сейчас холодно, – заметила Катя. – Градусов пятнадцать всего, и море холодное.

– А ему чихать на море.

– Но почему они не уехали? Почему жили в квартире до сих пор?

– Они должны были перебраться в Троицк. У старушки сестра умерла там и завещала квартиру своей племяннице. Они решили немного потесниться – продать ту, за которую больше бы дали денег.

– Дочери что, зарплату не платили?

Никита двусмысленно хмыкнул.

– Ее завод стоит уже третий год. Она в бойлерной дежурной подрабатывала. А по образованию – инженер. У стариков пенсия копеечная. А у внучки – малокровие. Надо было лечить.

– Теперь уже не надо, – сказала Катя. – Ее-то за что? Она ведь все равно не свидетель. Разве такая кроха их бы опознала?

– Им приказали: мочить всех. Чтобы никаких наследников. Никого. Ясно?

– Но эта квартира не такое уж и сокровище. Наверняка там нужен ремонт. Потом от Москвы далеко. Это же не столица, не ближние районы, – не сдавалась Катя.

– Сейчас убивают, Катенька, совсем не ради десятков тысяч долларов, не за сотни. Вова Кочет, например, пришьет любого за бутылку водки. У Чистякова ставка чуть повыше: две бутылки водки и банка пива.

– Значит, они не из крутых?

– Щенки. Молодые голодные щенки. Им по девятнадцать лет.

– Господи Боже!

– Вот тебе и Господи. Их наняли за смехотворную сумму.

– А кто нанял?

Колосов протянул ей стакан с остывшим кофе.

– Я ответил на безумное количество твоих вопросов. И заметь – подробно ответил. Но ты уже зарываешься.

– Но я же не буду сейчас об этом писать. – Катя смотрела на него честно-честно.

– А шут тебя знает.

– Ничего и не шут. Они где сейчас сидят?

– Пока в УВД. Там изолятор крепкий. А утром в субботу их повезут в Москву. Их Петровка на выходные берет.

– Только поосторожнее там.

Он хмыкнул.

– А тебе их жаль, да? Таких вот. Ну, это все, на что я способен, чтобы удовлетворить...

– Колосов запнулся и продолжил явно не так, как хотел: – Твое, Катенька, неумное любопытство. На часах девятнадцать ноль-ноль. Ты домой не собираешься?

– А ты? – Она смотрела на него.

Он отвел взгляд, уставился в темное окно. Никитский переулок (по-старому – улица Белинского), 3, куда выходил фасад главка, освещался тусклыми фонарями.

– А я сегодня дежурный.

Кате хотелось добавить, как в детстве, «по горшкам», но она сдержалась и только спросила:

– Очень устал?

– Очень.

– А у меня горе, Никита, – сказала она внезапно. – Подруга умерла.

Он изобразил на лице вялое соболезнавание.

– Молодая?

– На год меня моложе.

– От чего?

– Да, понимаешь, какой-то несчастный случай на стройке. Ничего я пока не знаю толком. Представляешь, включили сегодня видео, а там...

Она перехватила его быстрый взгляд. Колосов уткнулся в бумаги.

– Так эта девчонка из Каменского – твоя подруга? – спросил он как бы невзначай.

– Ну, не так чтобы очень. Но приятельница. Мы в одной компании часто встречались.

– Ах, в компании... – Похоже, он хотел задать ей новый вопрос, но тут в дверь осторожно постучали. Затем в кабинет просунулась коротко стриженная белобрысая голова Вити Иванова из отдела по борьбе с хищениями личной собственности граждан, коротко именуемого в розыске «квартирным».

– Петровская, вот ты где! А мы гадаем, с кем это шеф «убойного» заперся, – замурлыкал он, точно большой кот. – Что, статью пишете? А, нет, кофе пьете. Чегой-то ты все к убийцам, к убийцам, а к нам никак не заходишь?

– Плохо приглашаете, – буркнул Колосов. – И вообще, когда я с женщиной, прошу меня не беспокоить...

– Женщина сейчас тебе изменит. Будь спокоен. – Иванов скрестил на выпуклой груди бегуна на длинные дистанции мускулистые руки. – Катя, ты вон с Хасаном встретиться мечтала. Былое вспомнить. Так он у нас.

– Где? – Катя даже привстала от удивления.

– В нашем кабинете. Мы его из «Матросской» взяли на сутки. Там с ним душевспасительные беседы ведут. Ничем Хасан нас порадовать не хочет. Молчит да жметесь. Жметесь да молчит. Может, тебя увидит – ответит.

– Он что, опять сбежал? – спросила Катя.

– Опять. Уже третий побег.

– И опять с Камчатки?

– Нет, всего лишь из Потьмы на сей раз. Не дошел, как говорится, до точки.

– Так чего ж ты стоишь! Веди меня к нему. Я его только неделю назад как вспоминала. Очерк для «Милиции» пыталась из себя выжать. Спасибо за кофе, Никит, – сказала она. – Я пойду. Ты уж извини, если я тебя болтовней своей оторвала от дел. Я потом еще загляну.

– Когда? – испугался Никита. – Сегодня?

– На неделе, – успокоила его Катя.

– А-а, всегда пожалуйста, кстати... у меня потом вопрос к тебе будет о той погибшей подружке.

Иванов пропустил Катю вперед и торжественно повел ее в свой кабинет.

Глава 2 В НЕИЗВЕСТНОСТИ

Дома было темно. Значит, Вадька не приезжал. Ну и Бог с ним. Катя захлопнула дверь и включила в передней свет. Эта однокомнатная квартирка в сталинском доме на Фрунзенской набережной досталась ей по наследству. Здесь прежде жила ее двоюродная бабка – старая дева с бурным литературным прошлым. Умирая, она завещала приватизированную квартирку внучатой племяннице.

С тех пор прошло два года. Катя радовалась собственному углу. Родители не возражали, чтобы дочь жила отдельно. «Ей надо работать в тишине, она так много пишет, она очень талантлива», – говорила мама знакомым. А папа занимался ремонтом квартиры, оплачивал коммунальные услуги и подбрасывал дочери денег, если подозревал, что она сидит на мели.

Катя сняла шубку и уныло оглядела себя в круглое зеркало, тускло мерцающее в электрическом свете прихожей: вялая, усталая. И правда, в ванну да спать! Она разделась, накинула махровый халат и прошлепала в ванную. Открыла воду и вылила из флакона пену, пахнущую сиренью. Этот запах всегда поднимал ей настроение.

После ванны она перекусила и уселась в кресло перед телевизором. Нажала кнопку пульта: первый канал – «Новости», второй – «Вести», четвертый – грохот полицейского боевика. Она поморщилась, достала из подтелевизионной тумбы кассету и переключилась на видео.

На экране заплясали маленькие смешные человечки. «Белоснежка и семь гномов» – ее любимый мультфильм. Ленивчик и Ворчун плясали под звуки волынки. Ленивчик... Самое удачное прозвище для Вадьки. Вадим Кравченко и в юные-то годы отличался феноменальной ленью, а уж в зрелые лета... И как его только держат на той работе?

Кравченко в былые времена служил в КГБ. Но в этом он неохотно признавался даже своим близким друзьям, называя свою профессию чем-то средним между «референтом по внутренним вопросам» и «обозревателем широкого профиля».

В 1992 году он внезапно ушел из своей конторы, успевшей к тому времени сменить название, – причины сего дезертирства остались для друзей Кравченко опять-таки неизвестными, – и подался в телохранители. Катя подозревала, что подобная смена занятий происходила отнюдь даже не из погони за длинным долларом, а из голубой мечты кравченковского детства, никогда, кстати, не высказываемой им вслух.

Дело в том, что в грезах своих Вадя представлял себя великолепнейшим Шоном Коннери в роли Джеймса Бонда. У него имелось полное собрание кассет с фильмами о похождениях агента 007, и он частенько в одиночестве, при закрытых дверях, тайком ото всех наслаждался нехитрой экзотикой всех этих шпионских бредней Йена Флеминга.

Увы, до Бонда Ваде даже в смысле внешности было далеко. Вадя Кравченко представлял собой тип ярко выраженного ленивого, изъеденного безнадежным скепсисом, иронией и безразличным пренебрежением к жизни славянина. Кто-то однажды заметил, что он похож на Есенина, и это сравнение доводило его до белого каления. Какой уж там Шон в роли Джеймса, когда у тебя вот такие славянские соломенно-желтые волосы, голубые грустные глаза и совершенно славянский нос!

Катю с Кравченко связывали давние и прочные узы. Они познакомились еще тогда, когда она училась на юрфаке МГУ. Общение их сводилось к самым разнообразным вещам. Когда же они уставали друг от друга, то на некоторое время прекращали встречаться. Затем все возвращалось на круги своя. Кате казалось иногда, что они знают друг друга уже лет

сто, а то и двести, что они прожили долгую-долгую жизнь, состарились и уже просто не способны вычеркнуть один другого из своей повседневной жизни.

У Кравченко имелась собственная квартира, и он жил там, когда они с Катей отдыхали друг от друга. Одно время они, правда, загорелись мыслью как-то узаконить свои отношения. «Загс там и все прочее... – бормотал Кравченко. – И потом, как ни странно, я тебя, кажется, действительно люблю и вообще...» Но Катя в те времена жаждала свободы и славы. Ей хотелось кой-чего добиться в жизни. А условия для того были просты и суровы: уединенный угол, пишущая машинка и полный покой. Олимпийский покой.

К тому же в те дни на горизонте Кати замаячил Князь – Сергей Мещерский.

С Мещерским Катю познакомил сам Кравченко – они были однокашниками, оба закончили Университет дружбы народов имени Лумумбы. Мещерский несколько лет сидел в качестве советника в какой-то ближневосточной дыре, затем вернулся в Союз, ставший к тому времени уже СНГ, наплевал на службу и ушел в бизнес. Года три он крутился в фирме, контактирующей с «Росвооружением» и поставлявшей в арабские халифаты истребители «МиГ-28». Кое-что заработав, Мещерский наплевал и на бизнес.

Он вдруг по примеру Федора Конюхова решил сделаться путешественником и вот уже год как якшался с какими-то полоумными фанатиками из Российского турклуба, разрабатывая маршрут путешествия по Центральной Африке.

Кате он нравился иногда даже больше, чем Кравченко, несмотря на то, что в Вадьке было 186 сантиметров, а в Мещерском всего 165. Увы, Князь был маленького роста. Этот плотный быстроглазый крепыш доходил Кате, если она надевала каблуки, всего до подбородка. Но он не падал духом. Любимым его героем был Александр Великий, тоже некогда предпринявший множество путешествий и походов и завоевавший полмира вопреки своей отнюдь не богатирской стати.

У Мещерского имелось и еще одно достоинство, весьма импонировавшее Кате. Сергей Юрьевич Мещерский был настоящим князем – потомком старинного русского дворянского рода. Их семья ухитрялась придерживаться старых традиций даже в годы советской власти: все дети, родившиеся в роду Мещерских, тайно кичились своей голубой кровью.

Катя, краем глаза следя за похождениями гномов на экране, набрала номер телефона кравченковской квартиры. Глухо. Затем вякнул автоответчик: «К сожалению, меня нет дома, оставьте сообщение после...» А пошел ты к черту! Она дала отбой. Пристрастие Вадьки к различным техническим новшествам убивало ее. Он вечно тащил к ней в дом разную дрянь: электронные записные книжки, автоматические будильники. Однажды приволок какую-то чушь под названием пейджер. Катя нашла его впоследствии под подушкой. «Я должен держать связь, быть в курсе, – отвечал Вадим на ее гневные упреки. – Босс мне за это денежку платит». – «Но ты же выходной сегодня! Зачем тебе держать эту чертову связь?» – бесилась Катя. Кравченко только лениво улыбался, отворачивался к стене, зевал и натягивал одеяло на голову.

Она набрала номер Князя. У этого автоответчик, слава Богу, не водился, но к телефону все равно никто не подходил. Где их только носит по вечерам? Два дурака, гуляют себе и в ус не дуют, а она одна, да еще в расстроенных чувствах... Катя снова переключилась на телевизор – машинально нажимала кнопки, ища нужный канал. Чушь, чушь, новости, порнография.

В фильме герой в исполнении известного артиста судорожно корячился в топорно-эротической сцене. А ведь метит в герои-любовники. Бедный Йорик! Фильм был историческим, но герои то и дело со смаком произносили слово «трахать», похоже, они любовались собой, как эксгибиционисты.

Но вот, кажется, то, что надо, – «Оскар». Господи, как же она могла забыть! «Оскар-96», вручение премий. Вупи Голдберг сияла, как темная луна, в восхитительном бриллиантовом

колье за двенадцать миллионов баксов. «Алмазы в ночи» – так, кажется, пел Армстронг когда-то.

«Оскар» за лучший фильм достался Гибсону. Катя вздохнула: его «Храброе сердце» лежало среди ее кассет, но посмотреть его все не было времени. Она созерцала ясные улыбающиеся лица кинозвезд: Шарон Стоун – как всегда, в черном, нежная Мерил Стрип – в белом, стареющая Джессика Ланж в... Тут Вупи Голдберг объявила имя следующего ведущего, представлявшего очередную номинацию. На экране появился Кристофер Ривс.

Катя относилась к нему равнодушно: самый красивый мужчина Нового Света, идеал супермена в алом плаще, обаятельный и тонкий актер. Его «Бостонцы», его «Западня» – все эти фильмы хранились в ее фильмотеке.

Кристофер Ривс сидел в инвалидном кресле... Лицо его было по-прежнему прекрасным. А бесстрастный голос диктора сообщал, что год назад Ривс, участвовавший в скачках, упал с лошади и сломал шейные позвонки. Врачи спасли ему жизнь, но он оказался полностью парализован. Его мощное тело, облаченное в смокинг, напоминало утес, руки неподвижно лежали на коленях... Катя замерла. Кристофер Ривс в последний раз приветствовал свой Голливуд. «Надо рисковать. Все равно надо рисковать», – его голос был звучен и глубок. По лицу Мерил Стрип катились слезы.

Катя нажала кнопку. Экран погас. Парализованный супермен был последней каплей. Она быстро набрала номер Бена – Бориса Бергмана.

– Алло! – Он был дома.

«Господи, благодарю тебя за то, что он дома!» – благочестиво шепнула Катя.

– Борь, это я. Добрый вечер.

– Кэтти, привет! «Оскар» смотрела? Меня особенно заинтересовала та сценаристка, написавшая пьесу по роману Джейн Остин. Я сразу же подумал о тебе! Надо сварганить маленький мистический триллер в трех действиях. Взять какой-нибудь готический роман и... – Бен всегда был полон творческих идей.

– Бен, – всхлипнула Катя, – Светка умерла. Слышишь? Красильникова умерла.

Бергман поперхнулся словами.

– Когда? Как ты узнала?

– В сводке прочла, представляешь? И потом, видела одну пленку... Несчастный случай на стройке. Вроде бы несчастный.

– На стройке?! – Борис ахнул. – Почему на стройке... хоть это, собственно... дела не меняет... А что произошло?

– Не знаю. Сказано, что обнаружена на стройке в Каменске. Давность смерти – две недели. Она, оказывается, в розыске была как без вести пропавшая с девятнадцатого февраля.

– Ну и ну. – Бергман умолк. – А где она сейчас?

– Наверно, в морге Каменской больницы. Там будет экспертиза по установлению причин смерти, – пояснила Катя. – Но, понимаешь, я никак в толк не возьму, как она туда попала? Ты когда ее видел, Бен?

– Подожди, подожди... перед Новым годом она мне звонила... так... Слушай, получается, что с той премьеры я... да, точно! С «Птицы» она здесь не показывалась.

В мае 95-го Бергман, закончивший заочное отделение режиссуры в Щукинском училище, ставил свой дипломный спектакль. Он выбрал «Синюю птицу» Метерлинка, ибо благоговел не перед вахтанговской школой, а перед старым МХАТом, чем вызвал легкое недовольство экзаменационной комиссии.

Роли в пьесе он раздал актерам и актрисам молодежной студии «Рампа», помещавшейся в подвальчике в Лаврушинском переулке. Светлана Красильникова в то время рабо-

тала в этой студии. Она была характерной актрисой и тяготела к исполнению комедийных ролей. В «Синей птице» она играла роль Молока.

– Слушай, там ведь надо похороны организовать... Постой, постой... – бормотал в трубку Бен. – Я сейчас ребят обзвоню. Надо помрежу в «Рампе» сообщить. Катя, а как узнать все точно? Когда эта экспертиза проведется? Когда похороны разрешат?

– Я узнаю.

– Ага. Ладно. Будем тогда все готовить. – Голос его был тихим. – Светку-то как жаль... Господи, такая молодая, талантливая... Сколько жизни в ней было...

– Борь, я никак не могу понять, как она туда попала? – Катя вдруг ощутила, как в ней просыпаются два ненасытно любопытных существа: репортер и следователь. – Она с кем-нибудь общалась, когда вы ставили «Птицу»? Ты только не подумай, что я сплетни собираю. Но ведь она была в розыск объявлена, кто-то ведь заявил в милицию о ее пропаже?

Бен хмыкнул.

– Так, может, это родители?

– Ее родители живут в Костроме.

– Ах да, я забыл. Ну, тогда... Слушай, она же на «Птице» познакомилась с Толькой Лавровским. Ну, конечно! – Голос Бена слегка повеселел. – Я что-то и потом про них слышал.

– А кто этот Лавровский?

– Актер. Мальчик такой, весь из себя. Но пластичный. Очень пластичный. Поет, танцует. Он в «Рампе» два спектакля играл по контракту. А до этого был в «Студии на Юго-Западе». Я его там в мюзикле видел. Поэтому и взял в «Птицу» на роль Огня. В нем, понимаешь ли, есть нечто от Бальдера Локи, этакий языческий древнескандинавский типаж, он...

– Где его найти? – прервала его Катя. Скандинавский эпос являлся коньком Бена. Он мечтал некогда поставить на сцене отрывки из «Песни о Нибелунгах».

– Где... Адреса я не знаю. Но завтра в «Стоиле Пегаса» – нашем кабачке любимом – будет вечер Куртуазных Маньеристов. Ребята из «Рампы» приглашены выступить между чтецами. Они миниатюры готовили. Лавровский будет там. Это точно.

– Во сколько вечер?

– Как обычно – в семь.

– Бен, мне надо туда попасть. – Катя умоляла. – Если возможно, два места.

– Ясно. Кого возьмешь? Князя или Вадьку? – усмехнулся Бен.

– Они оба где-то шляются. А ты завтра свободен?

– Я пас, ты уж извини. Во-первых, надо похороны готовить, во-вторых...

– Ясно. Нине привет. (Нина была женой Бена.) Как она?

– Ничего. Приданое копит. Коляску уже купили, – похвастался Бен. Нина ждала ребенка. Бергман всех уверял, что родится обязательно мальчик. – Я, Кэтти, тебе завтра утром позвоню. А когда ты узнаешь о Свете?

– В понедельник я поеду в Каменск. И все выясню на месте.

Они попрощались, и Катя повесила трубку.

Открыла глаза она оттого, что кто-то потряс ее за плечо. В комнате – светло. На диване рядом с ней сидел Вадим – в джинсах и свитере. На кресле валялась его куртка из крэка.

– Ну, вы и храпите, мисс. На часах одиннадцать.

Катя зевнула.

– Мне даже завтрак самолично готовить пришлось, – капризничал Кравченко. – Яичница подгорела.

– Откуда ты явился? – осведомилась Катя.

– С работы, душечка. Пашу как трактор. Сегодня я свободен, а завтра – снова на пост. – Он скривился. – Босс какого-то идиота из Голландии приказал в Шереметьеве встретить. А

вчера, представляешь ли, мы с ним целый день шлялись по магазинам. Это Чучело смокинг примеряло. Смокинг! – Кравченко покачал соломенно-желтой копной волос.

Любимым занятием Вадима было постоянное издевательство над собственным боссом. Катя недоумевала, как тот рискует держать в качестве телохранителя человека, столь явно его презиравшего. Кравченко, получавший от своего нанимателя весьма неплохие деньги за службу, за глаза не стеснялся поносить его за все.

Его босс был родом из глубокой провинции.

– Райцентр Перепедрилово. Это у него в паспорте так записано. Я не выдумываю, – ухмылялся он. – Медвежий угол под Пензой. Этаким гость варяжский, лимита несчастная.

С начала *перестройки* босс пошел в гору и начал богатеть. Занимался торговлей, проворачивал финансовые аферы и к началу 1996 года уже был совладельцем многих магазинов, автозаправок и автосалонов столицы.

– Мое Чучело решило жить красиво, по-европейски, – сообщал он в другой раз. – Я его с трудом обучил, как ножом и вилок пользоваться при гостях и не тыкать в десерт папироской, и теперь он о себе возомнил. Сделку заключал с каким-то ханыгой из Пуэрто-Рико, так стол в офисе «веджвудом» сервировали. Он этот сервис по каталогу из Англии выписал. Латиноамериканец приуныл и уступил ему пару миллиончиков, скидку, значит, организовал. И Чучело мое так на радостях разгулялось, что прямо сладу нет. Все побоку – вина, ликеры. Водку тащи, сало. – Он ухмыльнулся. – Мафист этот пуэрториканский так насосался нашей «Пшеничной», что заблевал весь офис сверху донизу. А мой на рога встал – хлоп тарелку об пол, хлоп супницу об стену. Так весь «веджвуд» в черепочки и кокнул.

Утром рассолом отлился, образумился. Сокрушался все: ах я, свинья такая. Сервис оплакивал. «Ты меня, Вадъ, удерживай, если что, я во хмелю дерзкий бываю». Я его по лысине погладил и пообещал в следующий раз от «веджвуда» отвадить.

– Он что, сидел? – поинтересовалась Катя.

– Нет, еще чего! Я себе босса знаешь как выбирал? По картотеке. Товарищи из Конторы помогли. Чтоб не дешевка, не уголовничек, не педик, – перечислил Кравченко. – Этот денежный и малограмотный. Лучше и не найдешь. Он меня за эталон считает. Поэтому и по магазинам с собой таскает. Других охранников не берет. Со мной советуется как и что. Только не всегда.

Тут пришли в «Эсквайр», он цап сразу красный пиджак – и на себя. Я ему вежливо: «Василь Василич, это клубная вещь. Для прислуги, для крупье, вышибал, барменов...» А он: «Броский больно. Идет мне. Я ведь брунэт». И галстук «в собаках» пялит. Золотистый, от Рабана. Я чуть не шлепнул его там, ей-Богу. Уж и кобуру расстегнул. – Кравченко любил подобные эффектные финты в разговоре. – Но пожалел. Пусть. Пусть в красном «с собаками» ходит. Купчина все-таки, русский бизнесмен, что с такого возьмешь?

– Вот он выгонит тебя, будешь знать, – смеялась Катя.

– Выгонит... К другому наймусь. Этих кретинов сейчас навалом. Они за жизнь свою трепещут. Их вон отстреливают, как ворон по осени. А такого, как я, поискать надо, Катенька, поискать, да... Это не какой-нибудь там затхлый князь, это истинная, постсоветская аристократия. – Кравченко оседлывал свою любимую деревянную лошадку. – Мой батька был генерал. Образование мне дал дипломатическое, языкам выучил. Наши с тобой отцы, Екатерина Сергеевна, эта партноменклатура бывшая, и есть единственная истинная российская аристократия на сегодняшний день. Остальное все – лимита, мусор, дешевка.

Катя махала руками, морщилась.

– Правда, правда, – настаивал Кравченко. – Мы – потерянное поколение, лорды в изгнании. Посмотри, где сейчас мои друзья – кто менеджер, кто охранник, кто владелец мелкой фирмы. Такие орлы – спецы, дипломаты, офицеры, вышколенные, выдрессированные, – и стали торгашами, коммивояжерами. О Господи! А деньги – не те жалкие, что нам платят, а

настоящие деньги – у каких-то кретинов полуграмотных с наколками и вставными фиксами самоварного золота.

– Кому-то и таких, как вам, денег не платят, – возражала Катя.

– Да, вот именно! Вон твоим ментам. Это ж смехота! Мужики по пять раз на дню под пули ходят, а им подачку бросают, чтобы с голода не передохли! И поделом нам, потерянным, поделом лордам. Сами виноваты. Я, знаешь ли, Катенька, ощущаю себя лишним на этом тухлом свете, как Печорин там, Рудин, Базаров.

– Базаров был нигилист и разночинец. И в аристократы не лез, – обычно вставляла Катя, и разговор на этом заканчивался.

За завтраком она рассказала Вадиму обо всем случившемся. Услышав о Колосове, тот скорчил двусмысленную гримасу.

– Опер этот что-то стал часто у тебя на языке вертеться. Колосов то. Колосов се. Все знают, что ты равнодушна к начальнику «убойного» отдела, не надо так это подчеркивать, милочка. И очень даже зря. Да, да. Хам небось порядочный и грубиян.

– Такой же, как и ты. – Катя знала, что спорить с Кравченко в таких вопросах бесполезно. – Я тебе про смерть Светки толкую, а ты все какую-то чушь несешь! Я сегодня на куртуазников иду, там парень один будет, который Светку знал.

– Спал, что ль, с ней? – осведомился Кравченко, намазывая булку маслом.

– У тебя только одно на уме. Не знаю. Если да, то это даже лучше. Информации больше.

Он только хмыкнул.

– С кем собираешься-то? Со мной?

– А может, с Князем?

– Не получится. – Он с торжествующим видом откусил кусок булки и отпил кофе из большой керамической чашки. – Князюшка совсем спятил, к тому же с тех пор, как я намекнул ему, что ты спишь и видишь, как выскочить за его титул, он тебя избегает.

– Я серьезно, Вадь. Хватит шутить.

– И я серьезно. Он спятил: поехал сегодня с утра пораньше осматривать бывший особняк князей Мещерских на Пречистенке. Там сейчас какой-то банк. У него дворец и в Питере, оказывается, есть – двадцать восемь парадных комнат да два флигеля. Занимает его военный архив. – Кравченко добавил в кофе сахару. – С тех пор как Геральдическая ассоциация подтвердила его титул, он заказал себе визитки с гербом князей Мещерских, а теперь еще грезит и о реституции.

Катя вздохнула – эти два оболтуса были неисправимы.

– Значит, со мной поедешь ты.

– А что мне за это будет?

– Ничего.

– Меня от поэзии тошнит.

– А меня иногда тошнит от тебя.

– Пригласи своего опера, а? – Кравченко подмигнул. – То-то рад небось будет. Он кто по званию?

Катя треснула его по макушке газетой.

– Оскорбление действием. Вечно вы меня бьете, не жалеете. – Он поднялся и внезапно крепко обнял ее. – О Князе даже и не мечтай. Он все равно сгинет у людоедов в своем Мозамбике. Ну, ладно, я поеду к себе покемарю. А в шесть заеду за тобой. Только надень красное платье.

Глава 3

ВЕЧЕР КУРТУАЗНЫХ МАНЬЕРИСТОВ

Публика встречала Орден Куртуазных Маньеристов аплодисментами. В этот вечер в театральном клубе «Стойло Пегаса», расположенном во флигеле приземистого особняка на Тверском бульваре, собрались традиционные посетители, поклонники и поклонницы, студенты филфака и Литинститута, молодые актеры, актрисы из многочисленных студий, расплодившихся в 90-е годы в столице, как грибы после дождя, окололитературные дивы, писательские жены и просто любители чудом еще сохранившейся изящной словесности.

Зал был заполнен до отказа, ко многим столикам придвинули дополнительные стулья. Кате и Вадиму досталось место у самой сцены за столиком на двоих, втиснутым в угол. Пробираясь к своему месту, Кравченко бурчал:

– Шумно, содомно, света мало.

– Не ворчи. – Катя, вытягивая шею, оглядывала зал, ища кого-нибудь знакомого, кто мог бы указать ей актеров из «Рампы», а может, и самого Лавровского.

– Ну и как ты собираешься найти его в этой толпе? – брюзжал Кравченко. – Он блондин или brunet?

– Откуда я знаю?

– А особые приметы?

– Прекрати.

– Что прекрати? Где же твоя оперативная сметливость, капитан Петровская? – Кравченко отодвинул стул и усадил Катю, затем сел сам. – А хлебнуть-то тут найдется?

– Ты ж, когда тренируешься, не пьешь, – съязвила Катя.

– Э, мелочи все это. – Он беспечно махнул рукой. – С моим Чучелом не пить невозможно – председатель Лиги трезвости в неделю бы в ЛТП укатил. Я тебе не рассказывал, как мы в бане парились, нет? – Он даже зажмурился от удовольствия. – Поехали мы с ним на дачу. Он летом себе особняк на Рублевском шоссе отгрохал. Ну, на природу сам Бог велел с телохранителем – как же иначе? Кругом враги, рэкетеры, конкуренты недобитые. Прибыли, сторож уже «АОГВ» включил и баньку натопил в пристройке. Чучело мое париться любит по-дедовски. Все эти новомодные ванны с гидромассажем, джакузи там, душевые кабины, парные презирает. Русский он или не русский?

– «Новый», – вставила Катя.

– Старый. – Кравченко усмехнулся. – Вот. Все шло сначала чин чинарем: поддали пару, веники там, шерстяные рукавицы. Он на самый верх полез, на полоч. И млеет. Полежал-полежал. «Нет, – говорит, – все хорошо, а чего-то не хватает». Вышел в предбанник и, пока я парился да мылся, так там нализался, просто жуть. Я его из бани увести пытался, а он – ни в какую. Хочу, и все. Жал-лаю. Ну, желаешь, и хрен с тобой. Я его оставил в парной, а сам оделся и пошел в дом. По телеку как раз футбол начинался, чемпионат Италии. Первый тайм – 0:0 – нет моего Чучела. Я в парную. Открываю дверь: каменка раскалилась уже, ни черта не видно от пара, а полоч пустой. Я обратно в дом – и тут нет. Побежал к сторожу. А на дворе ночь, темень хоть глаз коли, снег валит.

Взяли мы со сторожем по фонарю и пошли обходить участок. Бродили, бродили, насилиу нашли. Сторож о него споткнулся – спит мое Чучело. Спит-храпит в сугробе, в простыню завернулся. Мы его в дом, да шерстяным носком растирать начали, да водки ему. Тут он сразу глаза открыл, плотнул, зашевелился.

Наутро протрезвел – ничегошеньки не помнит. Мы со сторожем ему все выложили, он расчувствовался: «Мужики, жизнью обязан».

– А как он на улице очутился? – спросила Катя. Ей отчего-то стало жаль кравченковское Чучело.

– Захотелось снежком растереться после парной. Вышел, да и носом в сугроб. На ногах не стоял.

– И не обморозился?

– Не-а. – Кравченко покачал головой. – Другой на его месте давно бы дуба дал, а ему все нипочем. Ну ладно, Кать, там у стойки, по-моему, рюмки звенят. Я мигом. – Он встал и начал протискиваться между столиками к маленькому клубному буфету, торговавшему спиртным.

Катя оглядела зал. Небольшая эстрада пока еще пустовала. Орден Куртуазных Маньеристов восседал за круглым столиком у самой сцены. В центре стола красовалась ваза с фруктами, увенчанная крупным хвостатым ананасом.

Вдруг Катя облегченно вздохнула: вон и Ксения со своим новым мужем. Ксения, гибкая, с длинной черной косой, похожая на цыганку, вот уже целый сезон играла в «Рампе». Катя ее видела в «Преступлении лорда Артура». Борис Бергман возлагал на нее большие надежды и в своем мюзикле по мотивам бродвейских «Кошек».

– Ксения, Ксе-ень! – Катя привстала и приветственно махнула рукой. Та обернулась, близоруко щурясь, увидела Катю, шепнула что-то стриженному худосочному парню в круглых очках с дымчатыми стеклами и заскользила между столиками.

– Тоже выбралась? Молодец. Мы с Максом решали: ехать – не ехать. Даже спички тянули. Выпало ехать. Я почти на всех их вечерах бываю. – Голос ее был звучным, грудным. – Ты с кем?

– С Вадькой.

– А-а. – Ксения лукаво сощурила цыганские глазки. – Как тебе мой Максик?

– Чудный мальчик. Кто на этот раз?

– Шахматист. Двадцать шесть лет – уже метит в гроссмейстеры.

– Ты слизываешь интеллектуальные сливки, Ксения. Счастливая. Ты про Красильникову знаешь?

Цыганочка кивнула.

– Бен звонил. Вот жизнь – дерьмо, а, Кать? Надо же так. Бен говорил, что там с похоронами какая-то заминка. – Ксения пошарила в кармане просторного черного блузона и вытащила пачку сигарет и зажигалку. Закурила. – Ребята деньги собрали.

– Ксень, а Лавровский сегодня здесь? – закинула удочку Катя.

– Здесь. Они все за кулисами. Будет три миниатюры. Так, полный бред. Но красиво.

– Ты мне его покажешь?

Цыганочка затушила в пепельнице почти целую сигарету.

– Конечно, покажу. Ничего мальчик. Только очень уж заиклен на собственной гениальности. Да ты его и сама узнаешь. Он в одной из миниатюр Пьеро играет. Вовсю под Вертинского стилизуется. Все его интонации взял. Только и оригинальности, что балахон себе из оранжевого шелка заказал. А вон и твой блондинчик идет, я исчезаю. Знаешь, на кого он похож?

– На Есенина. Ты ему только не говори, а то он бесится от этого, – поспешно попросила Катя.

– И ничего не на Есенина, вот уж никогда б не подумала! – Ксения подняла соболиные бровки. – Он похож на Дана Ольбрыхского. В нем что, польская кровь?

Катя испуганно замахала руками. Кравченко подходил к их столику. В руках он нес маленькую коробку конфет, бутылку шампанского и два бокала.

– Все, пока. – Ксения легко вспорхнула со стула, одарила Кравченко самой загадочной улыбкой из личного актерского арсенала и вернулась к своему очастому гроссмейстеру.

– Что за Василиса Прекрасная? – томно осведомился Вадим, откупоривая бутылку. – Она меня боится? Я такой страшный?

– Это Ксения. У нее муж ревнивый. Она дала мне нить, Вадя. Лавровский будет в роли Пьеро.

Кравченко поморщился.

– Господи Боже, третье тысячелетие на дворе. Марсиан ждут, инопланетян. А вы все в декадансе своем, как в тине, барахтаетесь – Пьеро, Сюлли-Прюдом, Луна на ущербе... У вас, мисс, глаза на затылке. И вообще, куда я попал? Фамилии-то какие: Петровская, Лавровский. Мещерский – князь. У этой Ксении как родовое имя?

– Щепкина.

– Ну, ничего еще. А то мне как-то неуютно стало со своей хохляцкой фамилией в этой изысканной компании. Хотя Щепкина – тоже имя знаменитое. Из тех самых, что ли?

– Нет.

– Слава Богу.

На эстраде зажегся свет. Ведущий вечера под шумно-одобрительный рокот зала прочел манифест Ордена. Затем на сцене появились несколько молодых актеров и актрис, исполняющих миниатюру «Аполлон и Музы». Вечер начался.

– Катя, а на кой черт тебе этот Лавровский нужен? – осведомился вдруг Кравченко.

– Но надо же узнать, как она попала на эту стройку, – ответила Катя. Ее внимание было приковано к эстраде. По ступенькам поднимался ее любимый Андрей Добрынин. Он подошел к самому краю сцены и отчеканил:

Как тяжесть фасций несущий ликтор,
Ступает слава передо мной.

Зал загудел от удовольствия. Маньеристов слушали так, как меломан слушает альти Гварнери.

Я тяжкий, мощный боа-констриктор,
Властитель влажной страны лесной.

– А зачем тебе знать, Катенька? – снова спросил Кравченко. – Кой черт, пардон за грубость?

– Но как же, Вадя... Боже, как он читает! Как же... Я в толк не возьму, зачем ее туда понесло.

– А если ты узнаешь, что это изменит?

Добрынин читал уже новое – «Циклопа»: «Я ранен был в лицо на подступах к окопам...»

– То есть как – что изменит? – Катя бросила недоуменный взгляд на Кравченко.

– А вот так. Светке Красильниковой будет лучше, если ты вдруг поднимешь со дна ее личной жизни какую-нибудь грязь?

Так сладок влажный хруст,
с которым шпага входит в напрягающую плоть,

сперва вспоров сукно... –

читал Добрынин.

– Почему грязь?

– Репортеры обычно не берутся за раскрутку несчастных случаев, если не чуют там какой-нибудь червоточины, – заметил Вадим.

Добрынин под шумные аплодисменты сошел с эстрады.

Катя обернулась к Кравченко.

– В этом деле я не чую никакой червоточины, – отрезала она.

– Да? – Он подлил ей шампанского.

– Да. Я просто хочу узнать, кто заявил в милицию о ее пропаже.

Между столиками актер в опереточном мундире и актриса в платье тридцатых годов танцевали брутальное танго. Добрынин сидел рядом с очень эффектной женщиной. Катя наблюдала за ним. Кравченко проследил за ее взглядом.

– Что, солнце русской поэзии? – спросил он ехидно.

– Солнце. Ты не смотри, что они дурачатся, шутят. В них, – Катя указала глазами на столик Куртуазных Маньеристов, – может быть, в одних только это солнце и светит.

– Светит, да не греет. – Кравченко скривил одну из своих обычных двусмысленных гримас. – Но где этот чертов Пьеро? Половина одиннадцатого уже. Долго это все продлится?

И тут на эстраде появился Пьеро. Под сильно стилизованным гримом Катя никогда б не узнала Лавровского, даже если бы видела его каждый день. Густо напудренное лицо, ярко окрашенные губы, глаза и брови – черные от краски. Он кутался в просторный огненный балахон. Искусно имитируя голос Вертинского, он спел несколько песен. Зал притих.

– Как его к нам затащить? – шепнул Кравченко. – Прямо со сцены, что ль? – Он сделал вид, что хочет встать.

Катя поймала его за рукав пиджака. Вадя, хлебнувший шампанского, вполне мог выкинуть какое-нибудь шумное коленце – в его синих глазах уже мерцали опасные искорки.

– Тише, подожди. Мы его потом отловим. После вечера.

На эстраду стремительно взлетел Магистр Ордена Вадим Степанцов.

– О, тезка мой, – хмыкнул Кравченко. Он явно заинтересовался.

Не блондинка она и совсем не брюнетка,
Нет, Мальвина – особа особенной масти...

По залу волной прокатился восторг. Девицы, облепившие столики «на галерке», взвизгнули.

Ты сбежала, Мальвина, ты скрылась, Мальвина,
Ты смоталась и адрес оставить забыла...

Степанцов был в ударе. Кравченко тихо поднялся из-за стола и вышел из зала. Катя этого даже не заметила.

Я на днях повстречал дурака Буратино,
Бедный малый свихнулся на поисках кладов...

После «Мальвины» Степанцов читал много и охотно. Зал восторженно гудел. Хлопали пробки, шампанское лилось рекой.

– Вечер в Византии! Последний вечер в Византии перед нашествием варваров! – восклицал ведущий.

Кравченко вернулся.

– Айда, Катька, иначе он сделает ноги, уже грим смывает.

– Ты его видел?

Вместо ответа он потянул ее за руку. Катя с сожалением поднялась. Вадим провел ее по пустому темному вестибюлю, открыл какую-то дверь, и они очутились на черной лестнице. Поднялись на второй этаж. В комнатке напротив лестницы галдела «Рампа»: музы в хитонах, танцовщица танго, еще какие-то загримированные актрисы.

– Это бабская гримерная, – шепнул Кравченко. – Мужики – следующая дверь.

Они вошли в освещенную комнату. У большого зеркала за столиком, уставленным коробками с краской, сидел Пьеро. Он успел уже снять часть грима и теперь намазывал лицо кремом.

– Привет, – развязно поздоровался Кравченко.

– Добрый вечер, вы... ко мне? – Лавровский был удивлен.

– Здравствуйте, я Петровская, мне Борис Бергман поручил передать вам плохую весть: Света Красильникова умерла. – Катя взяла сразу с места в карьер.

– Света? – Лавровский уронил на пол тампон, которым он размазывал по лицу крем. – Умерла?

– Вас еще не известили? – Это не стыковалось с первым заявлением, но Катя этого не заметила.

– Нет. – Лавровский встал. – Значит, они нашли ее?

– Это вы заявили в милицию о пропаже? – допытывалась Катя.

– Я, я. Но где они нашли ее? Что с ней случилось?

– По всей видимости – несчастный случай, – пояснила Катя. – Ее нашли на стройке.

– На стройке?! На какой стройке?

– На стройке в Каменске. Это за Кольцевой. В Подмосковье.

– Да знаю я Каменск. А как она туда попала? – В глазах Пьеро, обведенных расплывшимися кругами сажи, была тревога.

– Никто не знает как. Бергман на вас надеялся.

– Борька... Но почему? Господи... умерла. – Лавровский картинно заломил руки. – Это вам в милиции сказали?

– Да. – Катя не погрешила против правды. – А как получилось, что вы заявили? Вы куда заявление отнесли?

– В УВД Юго-Западного округа. Там со мной парень какой-то беседовал. Она исчезла, понимаете?

– Когда вы видели Свету в последний раз? – Кравченко решил направить беседу в более деловое русло.

– Седьмого февраля. Мы с ней в студии встретились.

– В какой студии?

– У Паши Могикина. – Лавровский махнул рукой. – Он скульптор. Да еще и шизанутый. Света иногда у него натурщицей подрабатывала.

– Ну и?.. – спросила Катя.

– Ну, она должна была подыскать мне одну работенку. Сказала, вроде все улажено, я тебе позвоню в среду. И не позвонила. Ни в среду, ни в четверг. В пятницу я к ней домой заскочил. Звонил, звонил, дверь не открывают. А тут Могиканин объявился: где Светка, у меня третий день работа стоит. Короче, мы поняли, что ее нет – ни дома, ни в студии. В «Рампе» никто толком ничего не знал. Мы с ним подумали-подумали и двинули в милицию. Время-то сейчас сами знаете какое. – Лавровский говорил все это быстро, без запинки. Потом он умолк, вздохнул и спросил уже по-другому, трагическим шепотом: – Похороны когда?

– Еще ничего не известно, – ответила Катя. – Там какая-то загвоздка со вскрытием.

– А что, вскрытие будет? – испугался Пьеро.

– Естественно. По несчастным случаям всегда так, – вмешался Кравченко.

– Несчастный случай... ну, еще автокатастрофа, но стройка! – Лавровский опустил на стул. – А вы, значит, Борькины знакомые? Что-то я вас в «Рампе» не встречал.

– А я вас на сцене видела, – соврала Катя.

– Где?

– Ну, в этой, во французской пьесе...

– В «Слишком нежной коже»?

– Именно.

Пьеро слабо улыбнулся.

– Жаль, что мы познакомились при столь трагических обстоятельствах... – Он вздохнул и картинно повел рукой. Катя обратила внимание, что ногти его наманикюрены, как у женщины, и покрыты прозрачным блестящим лаком.

– Да, жаль. Ну, мы пойдем. – Она чувствовала, что больше ничего от этого накрашенного павлина не добьешься. – Свяжитесь с Бергманом, пожалуйста. Он просил.

Тут в дверь гримерной просунулся парень, игравший Аполлона. Как был, в хитоне и лавровом венке.

– Толька, тебя к телефону. Аппарат внизу, в администраторской.

– Кто?

– Тип какой-то, сказал, насчет работы.

– Иду... извините, я должен...

– До свидания, – попрощалась Катя.

– Актеришка, – ворчал Кравченко, когда они возвращались домой в его «Жигулях». – И она с такой куклой спала? Ну и вкусы у вас, теток!

– Он талантливый, – молвила Катя. – Наверно.

– Талантливый! Хмырь в шелках. Еще на Вертинского замахивается! – Кравченко в сердцах прибавил газу.

– Я в понедельник съезжу в Каменск, – решительно сказала Катя.

– Зачем?

– Так, узнаю кое-что. Результаты медэкспертизы будут готовы.

– Давность смерти-то там какая? – осведомился Вадим.

– Примерно две недели.

– Две? Брр! Там уже червячки давно завелись. Хотя нет, холодно же. На льду мясо долго не гниет. Но все равно зрелище – дрянь.

Катя подняла воротник шубы. Ее клонило в сон.

Глава 4

ТАИНСТВЕННАЯ РАНА

В понедельник, однако, ехать в Каменск Кате не пришлось. «Голос Подмосковья» срочно заказал статью в криминальную полосу.

– Ну, ты там чего-нибудь такого подкинь, покруче, – напутствовал ее редактор полосы. – Чтоб читателя до печенок пробрало.

И Катя, предварительно созвонившись по телефону, срочно отправилась в министерство на Житную к замкомандира федерального спецназа.

Эксклюзивное интервью этот молодежавый атлет-полковник обещал ей давно. А тут как раз удачная операция подвернулась. В Мытищах спецназ вместе с областным розыском взял банду Малахова, совершившую восемнадцать убийств водителей-транзитников.

Эту банду искали несколько месяцев. Вова Малахов, никогда принципиально не использовавший при убийстве водителя огнестрельного оружия, а действовавший подобно мяснику исключительно ножом и железной дубинкой, был обложен сотрудниками милиции в квартире на шестом этаже дома на окраине Мытищ. У него имелись два автомата, восемь гранат, и он намеревался дорого продать свою подлую жизнь.

Спецназ брал эту квартирку, больше похожую на хорошо укрепленный дзот, по всем правилам боевого искусства. Дверь вышибли кувалдой, в окна спустились с крыши по специальным тросам. Малахова, собиравшегося попотчевать гостей гранатами «РГД», прошили двумя автоматными очередями.

Спецназовец, несмотря на свой рост и саженные плечи, оказался кокетливым, словно выпускница последнего класса. Он то и дело скромненько потупливал глазки и смущенно басил, что «ничего там особо героического не было» и что «про это не надо писать». Кате удалось разговорить его только после получасового увертливого диалога, в котором она весьма талантливо разыгрывала преклонение перед храбростью и отвагой полковника.

– А как часто вам приходится применять оружие на поражение? – вкрадчиво задала она свой излюбленный вопрос.

Полковник тихо бубнил, что так часто, что и не сосчитать.

– И вы в них попадаете? – допытывалась она.

Полковник был уязвлен в своем профессиональном мастерстве. Как же, посмели усомниться – меткий ли он стрелок! Да он из «макарова» бьет десять очков из десяти, из «стечкина» девять из десяти, из автомата «АКС» десять из... Катя добросовестно записала все его достижения.

– Несомненно, вы самый меткий стрелок, каких я только знаю, – сообщила она с восторгом. – И вы, несомненно, попадаете в каждую живую мишень. Значит ли это, что в конце операции всегда – летальный исход?

В глазах полковника мелькнуло сомнение.

– Ну нет, почему, мы, естественно, стараемся брать их живьем. Суд, следствие... Правосудие, так сказать... – сказал он осторожно.

– А если они не сдаются, как Малахов? – полюбопытствовала Катя.

Полковник хотел что-то соврать, но гордость пересилила, и он ответил честно:

– Если оказывают сопротивление с оружием в руках, тогда пусть пеняют на себя: в расход, и точка.

– И правильно! – бессердечно подхватила Катя. – Всех бы этих гадов к стенке, воздух бы стал чище.

Полковник оценил этот ход, кокетство его как рукой сняло. Катя была вознаграждена: в течение часа он скормил ей первоклассный материал о мельчайших подробностях задержания малаховских подельников, а напоследок угостил кровавой и красочной историей освобождения пассажиров «Икаруса», взятых в качестве заложников в аэропорту курорта Серные Источники.

– Приезжайте еще, Екатерина Сергеевна, – пригласил он, когда Катя, окончив все записи, убирала блокноты в сумку. – С такой прессой приятно общаться. С полуслова все понимаете.

– Я же все-таки ваша коллега, – скромно похвалилась Катя.

– Вы аттестованы? – Лицо полковника изобразило живейший интерес.

– Да.

– А звание какое у вас?

– Капитан милиции.

– Приятно слышать. Очень приятно. – Спецназовец широко улыбнулся. – Приезжайте. У нас тут много всего интересного бывает.

– Не сомневаюсь, обязательно приеду, – пообещала Катя и, поймав быстрый взгляд полковника, достала из сумочки визитку. – Вот мой телефон. Может быть, вы сами позвоните, когда случится это самое «интересное».

«Позвонит, и очень скоро», – размышляла Катя, шагая по Житной к метро «Октябрьская». Она давно уже научилась распознавать то неуловимое движение зрачков мужчин, когда он хотел и не решался продолжить приятное знакомство. «А он ничего, храбрец, кажется. Впрочем, наверняка женат. Они все женаты до поры до времени, – размышляла она. – Но в смысле источника информации – сущий клад. Надо как-нибудь подъехать к нему с беспардонной лестью».

На улице было холодно. По площади, украшенной чугунным памятником, гулял ветер. Катя постояла, поглазела на памятник, а затем юркнула в метро.

Мысли ее уже витали далеко от спецназовца, и взгляд скользил по перрону, заполненному людьми. Вдруг один пассажир, резко поменяв прежний курс, повернул к Кате.

– Простите, девушка...

«Заблудился», – подумала она, окинув взглядом его сутулую фигуру в поношенном пальто-пуховике.

– Мы не могли с вами где-то встречаться? – вкрадчиво осведомился он. – Вы так на меня сейчас посмотрели...

«Все ясно. Уличный ловелас».

– Как я на вас посмотрела?

– Так. – Он неопределенно махнул рукой. – Меня зовут Венедикт Андреич, а вас?

– Видите ли, Венедикт Андреич, – произнесла Катя громко, – я как раз обдумываю, как мне отправить на тот свет одного типа. Вы на него поразительно похожи. Смерть в виде несчастного случая в метро – как раз то, что надо. А вон и поезд идет.

Венедикт Андреич пугливо отскочил от края платформы и засеменил прочь, поминутно оглядываясь на Катю.

«Ну почему я его отшила? – думала она. – Потому что он одет недостаточно модно. Кейс не солидный. Из дешевых. А вот было бы на нем пальто за пятьсот долларов, может быть, тогда я и вспомнила, где именно мы с ним «встречались». По одежке судишь, матушка, по одежке... А может, у него добрая душа и честное рыцарское сердце? – Она хмыкнула. – У субъектов с такой щучьей рожей и таким взглядом сердец, да еще рыцарских, не бывает. Он либо гулливый муж, почуявший весну, либо засидевшийся в девках холостяк из сорока-летних маменьких сынков».

Интервью со спецназовцем было закончено к вечеру. Катя отстучала его на машинке и положила в папку. И так, завтра можно со спокойной душой ехать в Каменск.

Перед поездкой она все же решила позвонить Кравченко, а заодно и Князю. Вадим покинул ее еще в воскресенье. Он ехал встречать голландского гостя своего Чучела. Телефон его до сих пор молчал. Но Князь оказался дома.

– Сереж, привет, где ты пропадаешь? Тут столько всего случилось! – затараторила Катя.

Она быстро рассказала ему о сводке, смерти Красильниковой, стройке, вечере куртуазников и Лавровском – Пьеро. Князь молча дышал в трубку.

– Ты оглох, что ли? – не выдержала Катя.

– Меня тошнит, – томно и хрипло ответил Мещерский. – Я отравился.

– Боже, чем? – Катя, не удержавшись, хихикнула. – Чем ты отравился? Колбасой, что ли?

– Мидиями, – простонал Князь. – Я купил их в такой маленькой стеклянной баночке. Они синенькие, гады, безвкусные.

– Зачем ты ешь эту дрянь? Ты что, японец?

– Я должен привыкать. В экспедиции нам придется питаться самой разнообразной пищей, в том числе и моллюсками, и земляными орехами, и личинками, и яйцами муравьев...

– Прекрати! – взмолилась Катя. – Иначе меня тоже стошнит. Слушай меня, Князь, внимательно: разведи себе марганцовки. Выпей литр, а лучше – полтора литра. И два пальца в рот – понял меня?

Князь как-то неопределенно ухнул и бросил трубку. Через час он позвонил ей сам.

– Катенька, это я.

– Ну что, легче стало?

– Относительно. Так ты, значит, с Кравченко была в «Стойле Пегаса», я не ослышался?

– Нет, Сережа. Этот Лавровский мне нужен был дозареза, – нежно замурлыкала Катя.

Князь Мещерский был существом ранимым, с ним надо было беседовать как можно тактичнее.

– С этим мужланом! Что он смыслит в хорошей поэзии? – Мещерский возмущенно повысил голос. – А почему ты не связалась со мной?

– Я пыталась, Сереженька. Но тебя все время не было.

– Ах да, я тебе потом расскажу. Дело, кажется, на мази. – Голос Мещерского повеселел. – А ты знаешь, Кравченко позвонил мне в пятницу и стал настойчиво приглашать в баню. А там как бы между прочим сообщил, что ты купила себе туфли с девятисантиметровыми каблуками. Это правда?

– Правда. – Катя изобразила в голосе полное раскаяние. Интересно, откуда Вадька узнал про туфли? Она их ему не показывала. И даже каблук успел измерить – кагэбэшник окаянный! Наш пострел везде поспел.

– Но как же это возможно? – вознегодовал Князь. – Девять сантиметров – это же... В тебе будет больше ста восьмидесяти, а во мне... Что скажут люди, увидев такую пару?

– Сейчас модно, Сереженька. Платформа и высокий толстый каблук снова вернулись. В девяносто шестом начался кардинальный поворот в сторону увеличения высоты...

– Мне от этого не легче, – хмыкнул Мещерский.

– А ты посмотри на кабаре-дуэт «Академия».

– И что хорошего?

– И ничего плохого. Даже пикантно.

– Да? – Мещерский колебался. – В общем, мне надо тебе много рассказать, Катенька. Ты мой самый мудрый дружочек. Когда увидимся?

– В среду вечером. Я сама к тебе заеду, – пообещала Катя.

– Только не бери с собой этого мужлана. А то я ему башку раскрою за его подначки. Ну все, целую твои ручки. Жду.

Катя повесила трубку. Князь был неисправим. Эти два клоуна, видно, доведут ее до могилы своими приколами. Но ничего. Когда-нибудь потом она все же сделает свой окончательный выбор. И если Князь к тому времени сумеет сохранить свой наследственный титул, заказывать обручальные кольца придется именно ему. И это несмотря на рост в 165 сантиметров.

Она изобразила на лице ледяную надменность. Княгиня Мещерская – звучит! Звучит гордо.

В Каменск она приехала автобусом-экспрессом. Городок, где она три года оттрубила от звонка до звонка следователем, ничуть не изменился. Раньше, спеша каждое утро на работу, она без особых трудов добиралась сюда из центра Москвы. Транспорт не утомлял. А сейчас... Нет, служба должна располагаться как можно ближе к родным пенатам. Иначе все быстро становится слишком сложным и постылым.

В Каменске было много снега, галок на голых липах и совсем мало транспорта и прохожих. Местный люд где-то работал, хотя два прежних промышленных гиганта, «Металлстрой» и «Новатор», находились в полосе тяжелого финансового кризиса. Они стояли с прошлой весны.

Самыми занятыми гражданами Каменска по-прежнему оставались милиционеры. Им-то работы прибавлялось день ото дня. Местный отдел, ища пользу и выгоду даже в подобном аврале, наскреб средства на приобретение специализированных «вытрезвителей на колесах». Сбор пьяных на дорогах и весях Каменска оказался делом весьма перспективным. Штрафы влетали пьяницам в кругленькие суммы. Они стекались в местный бюджет, а затем через правоохранительные фонды скудно пополняли казну ОВД: на бензин, на технику, на питание содержащихся в ИВС.

В Каменском отделе мелькало множество новых лиц. Но еще работали и те, с кем Катя начинала здесь грызть гранит криминала. Для начала она заглянула в следствие к Ире Гречко – старшему следователю, капитану юстиции. Свидание подруг было по-женски бурным и многословным.

– Ты что, нас забыла? – выговаривала Ира. – Зазналась.

– Дел невпроворот. Каждый раз какая-нибудь чушь подворачивается, – жаловалась Катя. – Мне и сейчас надо Сашку Сергеева поймать. Дело срочное.

– Тогда беги, а то они куда-нибудь улимонят. Розыск на месте не сидит, – заторопила ее Ира. – И потом ко мне. Смотри! Тут тоже есть кое-что для твоей коллекции. А вечером встречу отметим.

Катя, путаясь в полах шубы, побежала в розыск.

– Где ваш начальник? На месте? – кинулась она к первому попавшемуся оперу. Опер – новенький, незнакомый. Суший юнец. И берут же таких, прости Господи!

– Он занят, – хмуро отрезал юнец простуженной фистулой. – Подождите, подождите, не видите, там совещание идет! – И он заслонил собой сергеевский кабинет.

Но тут его отшвырнуло в сторону. Дверь с грохотом распахнулась, и оттуда, словно пушечное ядро, вылетел Генка Селезнев. Катя хорошо его знала. Они пришли в отдел почти одновременно. Сейчас Селезнев был старшим опером по раскрытию тяжких преступлений против личности.

– Ты должен был сам туда выехать! А не участкового посылать! – гремел ему вслед сергеевский баритон. – А теперь что? Что теперь, я тебя спрашиваю?

Селезнев с силой захлопнул дверь. И тут увидел Катю.

– Привет, Катюш. Ты ко мне?

– И к тебе тоже. Зачем шефа нервируешь?

– Да он сам горло дерет, не разобравшись! – Селезнев кипел. – За направление опергруппы на место кто у нас отвечает? А? Дежурный?

– Конечно. – Катя была готова во всем ему поддакивать.

– Ну так с него и спрашивайте! Доложил: несчастный случай, направил одного участкового акт составить, а я... да я в тот день даже не на сутках был! Понимаешь, Кать, только утром узнал. – Он стиснул кулак и погрозил им кому-то. – У меня дел до черта! Что я, робот, что ли, в каждую дырку соваться?!

– Нет, Геночка, не робот, что ты!

Селезнев на миг умолк, потом продолжил:

– Участковый, шляпа, на месте не сориентировался, представил все несчастным случаем. Дежурный в сводку так это и забил. Вот на них и орите! Я-то при чем?

Селезневский монолог был слишком горяч и бессвязен, но кое-что в нем Катю очень даже заинтересовало. Оставив Генку изливать свою ярость стенам коридора, она скользнула в кабинет Сергеева.

– Вот твоя газета, Саш. – Она решила начать разговор с хорошей новости. – Как обещала, и снимок на второй полосе. – И выложила на стол два номера «Голоса Подмосковья».

Сергеев обернулся – он хмуро изучал сугробы за окном.

– Здравствуй, Кать. Спасибо большое. Садись.

Она присела на стул, придвинутый к его столу.

– Знаешь, та погибшая на стройке оказалась моей подругой. – Она любила всегда в начале беседы брать быка за рога.

Сергеев вскинул голову.

– Seriously?

– Seriously некуда. Что все-таки с ней произошло, а? Когда можно будет забрать тело? А то ребята из ее театра волнуются.

– Что! – хмыкнул Сергеев. – Спроси что-нибудь полегче.

– Как? Там же написано – несчастный случай. – Катя почувствовала странный холодок в груди.

– Написано! – Сергеев сел на краешек стола. – Мало ли что там написано.

– Саш, расскажи, умоляю. Я буду нема как рыба. Только расскажи!

Он побарабанил пальцами по столу.

– Ее нашли двадцать четвертого февраля. Обнаружили рабочие. Там, видишь ли, догострой, «Новатор» цех гальванический еще до перестройки задумал соорудить. Размахнулись, котлован вырыли, сваи набили, а потом все застопорилось.

– Это в Клемове? Возле Кольцевой, что ли? – уточнила Катя.

– Да. Прямо рядом с Москвой. Ну вот. Обнаружили ее в котловане. Там довольно глубоко, да к тому же внизу металлических штырей полно – сваи когда забивали, много лишних вколотили. Лежала она там, видимо, недели две, может, чуть меньше. Вроде все как обычно в таких случаях: одежда, сумочка при ней, документы, ключики, денежки даже. В общем, на первый взгляд стопроцентный несчастный. Забрела на стройку, споткнулась, оступилась и загремела вниз.

– А на второй взгляд? – спросила Катя.

– А на второй... – Сергеев снова побарабанил пальцами. – А на второй... Рабочие сообщили нашим. Дежурил в те сутки Витька Улиткин – ну, помнишь его. Он все такой же: трах, бах, несчастный случай, быстрее доложить. Посылает он на место одного молокососа участкового. Тот три месяца всего служит. Тот извлекает тело, составляет свой дурацкий акт и везет труп в морг. Естественно, ни осмотра места, ни окрестностей, ни плана детального не составлено.

Утром Улиткин на оперативке докладывает: несчастный случай, я разобрался. Мы и в ус не дуем. На Улиткина надеемся – не горшок же у него на плечах глиняный!

Карпыч в морге тоже особо не торопился. У него вон настоящих убитых – полон холодильник, вскрывать некогда. Красильникову как жертву несчастного случая на потом оставляет. А когда наконец берется, делает нам весьма любопытное заключение. И от него мне теперь хоть стой, хоть падай.

– Саш, ты не возражаешь, если я все-таки буду записывать? – спросила Катя.

– Для себя пиши. Но в прессу – ни-ни. Иначе убью. – Сергеев потер лицо ладонью. – Перелом ног и основания черепа, по заключению нашего Карпыча...

– Он все работает? – перебила Катя.

Судмедэксперта Бодрова Льва Карповича, проработавшего в Каменске сорок пять лет, она помнила очень даже хорошо.

– Скрипит. Сердце пошаливает, ревматизм. Но работает за троих. Старая гвардия, – ответил Сергеев. – Так вот, эти повреждения – результат падения в котлован – оказались... посмертными. *Прижизненной и повлекшей смерть раной*, по его заключению, является *только одна рана*. Единственная. Сквозная. В брюшную полость.

– Сквозная?

– Рана диаметром в полтинник. Раневой канал – насквозь. Пробит кишечник, поврежден спинной мозг. На спине – выходное отверстие. Я сам ее вчера утром осматривал.

– Может быть, она ударилась о те штыри? Ты же сам говорил, на дне котлована их много. С высоты если упадешь, то возможно напороться на... – Катя побледнела.

– Если так, то там должна быть целая лужа крови. – Сергеев стукнул по столу кулаком. – А ее там нет! И не было, иначе даже тот молокосос участковый ее бы заметил. Судя по виду раны, ее нанизали, как стрекозу на булавку, а крови нет. И потом, там есть еще одна неувязка. Если б на место выехал этот бездельник Селезнев или кто-то из прокуратуры, они б не могли не обратить на *это* внимания. А участковому что! На ней, Кать, не имелось некоторых частей одежды, которые вроде бы обязательно, по всей логике происшедшего, должны были быть.

– Каких частей, Саша?

– Ну, например, нижнего белья. Колготок. Сапоги надеты прямо на голые ноги. Это в феврале-то! Платье натянуто на голое тело. А на платье, заметь, ни спереди, ни сзади *дырок нет*. Пятно крови есть, и то небольшое. И на дубленке тоже нет дырок.

– А как эксперт описал предмет, которым могла быть нанесена такая рана? – спросила Катя.

– Поначалу он тоже склонялся к металлическому штырю с острым концом. Штырю от строительной арматуры. Но после того, как ему Колосов из пятого отдела позвонил...

– Никита?

– Никита, Никита. У него какие-то там сомнения вдруг возникли. Темнит он что-то. – Сергеев сердито засопел. – Они вчера с Карпычем весь день по тому котловану ползали. Место осматривали. Так потом Карпыч категорически заявил, что ничего похожего на предмет, нанеший ту рану, он в том строительном хламе не обнаружил.

– Господи, тогда получается, что...

– Что ее убили. Убили не в котловане, а совсем в другом месте. Чем и как именно – полная неизвестность. Зачем-то сняли с нее половину одежды, затем привезли в Каменск и зашвырнули в котлован, пытаясь замаскировать все под несчастный случай.

Потрясенная новостью, Катя молчала.

– И вот сию я, Кать, дурак дураком уже вторые сутки и не знаю, за что взяться. – Сергеев вздохнул. – Дело прокуратура уже возбудила. Зампрокурора рвет и мечет: портachi, кричит, работать не умеете! Убийство от несчастного случая отличить уже не способны! И он прав, кругом прав. Колосов ваш тоже на нервы давит. «Почему розыск до сих пор не органи-

зован? Где оперативность?» – передразнил он голосом, удивительно похожим на Никитин. – Ну нет у меня оперативности! В этом деле нет. Ты-то что-нибудь знаешь о ней?

– Нет, Саш. В выходные весь телефон оборвала, – приврала Катя. – Ее друзья по театральной студии тоже в полном неведении. Она последние месяцы там почти не появлялась. Так ведь ее в розыск заявили по Москве.

– Сожитель. Некто Лавровский. Мы его уже установили, – промолвил Сергеев. – Вчера ездили за ним. Что-то дома нету. Повестку у соседей оставили.

Катя решила пока умолчать о своей встрече с Пьеро. Все равно ведь ничего путного тот им с Кравченко не сообщил.

– А тело теперь когда можно будет из морга забрать? Меня узнать просили.

– Карпыч экспертизу, считай, уже закончил. Кстати, об изнасиловании и речи быть не может – никаких признаков. Учти. Забрать тело, думаю, уже можно. Я тебе дам телефон следователя. Пусть эти актеры ему позвонят. Заодно, может, он их допросит. Информации-то ноль.

Они еще немного поговорили о раскрываемости, об огромном по сравнению с прошлыми годами числе зарегистрированных убийств, о службе в розыске. Катя записала телефон следователя прокуратуры для Бена.

– Ты к кому от меня? – осведомился Сергеев напоследок.

– К Ире Гречко зайти обещала, – ответила она. – Давно мы с ней не виделись.

– Да-а, сколько ты у нас уже не работаешь?

– Четыре года.

– Назад не тянет?

Катя пожала плечами.

– Не знаю, Саш. У меня сейчас работа интересная.

– А то приходи. Местечко всегда найдем: в следствии, в кадрах...

– Это уж я не сомневаюсь, – через силу улыбнулась она. – Лучше тогда уж к вам.

– Нет. – Сергеев энергично покачал головой.

– Почему? Буду плохим сыщиком?

– В розыске, как на корабле, от женщин одна смута. Мне единый кулак нужен. Бронированный. А тут пойдут охи, вздохи, взгляды. Орлы мои – народ шустрый, взрывной. Еще дуэль затеют.

– Сейчас из-за женщин, Саша, никто не стреляется. – Катя даже покраснела. Сергеев, когда хотел, мог быть даже галантным.

– Напрасно так думаешь, Катерина Сергеевна, в розыске настоящие мужики служат, такие, что ради красивой женщины...

Катя вздохнула: Саша Сергеев был таким же, как и четыре года назад. Розыск есть розыск!

Глава 5

«БАКЛАН – НЕ ВОР!»

– Типчик как раз для фельетона. Тот еще типчик. С вывертом, – говорила Ира Гречко, вкладывая в папку уголовное дело, чистые листы бумаги и бланки. Катя сидела в ее кабинете и с трагическим видом уплетала бутерброд с колбасой.

В Каменском ОВД наступил обеденный перерыв. А после обеда Ира Гречко собиралась знакомить с материалами дела одного из своих подследственных. После разговора с Сергеевым Катя не находила себе места. То и дело, словно глас трубы, звучала в ушах жуткая фраза: *...ее нанизали, как стрекозу на булавку ...* То, что Светлана Красильникова умерла, стало уже для Кати за эти дни фактом неизбежным и даже несколько обыденным. Но то, что она умерла *вот так*, такой дикой и страшной смертью...

– Катька, Господи, на тебе лица нет! – воскликнула Ира, когда подруга ее доплелась до кабинета следователей и плюхнулась там на стул. – Ты что так побледнела? Что тебе Сашка наговорил такого?

Катя слабо махнула рукой.

– А все оттого, что ты плохо ешь! – безапелляционно заявила Ира. – Что еще за пост себе выдумала? Травой какой-то питаться! Зачем тебе худеть? Ты и так нормальная.

– Если я не буду держать посты, я через месяц не буду пролезать в двери, – запротестовала Катя. – У меня такая конституция...

– Чушь – конституция! Дождешься голодного обморока. Сиди, отдыхай. Я сейчас все быстренько сделаю. – Ира оказалась великолепной хозяйкой. Спустя минуту пластмассовый чайник «Филипс» уже закипал, а на столе в фарфоровой мисочке появились чипсы, бутерброды с колбасой и сыром и лимон. – Это мой ценный подарок, – похвасталась Ира, указывая на чайник. – Начальство премировало к Новому году. Ну-ка ешь давай! Тебе чай покрепче? С лимоном?

– С лимоном, – вздохнула Катя.

– Тебе надо отвлечься от Сашкиных сказок, – внушала Ира. – Я сейчас Ванечку Журавского жду. Мы с ним Голорукова с материалами дела будем знакомить. Предвкушаю цирк. Айда с нами.

– Это тот, что у тебя прошлый раз вены вскрыл? – спросила Катя.

Она вспомнила, как примерно два месяца назад Ира слезно жаловалась на то, что ей пришлось вытерпеть от этого самого Голорукова.

– Его любимая фраза, Катенька: «Баклан – не вор!» – рассказывала тогда Ира. – Баклан! Хулиган проклятый.

Жора Голоруков, проспиртованный до последней степени алкаш с мутными оловянными глазками-гляделками, рыжими свалявшимися вихрами и воспаленными веснушками, имел уже одну довольно суровую судимость. Восемь лет отбарабанил он в местах не столь отдаленных за то, что однажды в припадке пьяного буйства огрел молотком по голове своего соседа по лестничной площадке.

Отсидев срок за нанесение тяжких телесных повреждений и хулиганство, Голоруков вернулся домой в Каменск, в ту же самую квартиру, где за стеной жили искалеченный сосед с женой.

– Дело было так, – рассказывала Ира. – Он снова напился и пошел к соседям разбирать старые обиды. Дома оказалась только жена соседа. Он вломился к ней в квартиру, долго буянил. Затем моча ему в голову стукнула, и он вдруг ушел. Вроде бы ушел. Женщина заперла

дверь, отправилась на кухню, как вдруг слышит – в комнате звон стекол. Ну, у нее нервы не выдержали, она из квартиры вон – и к соседям. Те сразу за участковым.

Заходят они все спустя полчаса в квартиру и видят: Голоруков в состоянии полной пьяной невменяемости валяется на софе, в комнате – полно стекла, окно высажено, ящики в шкафу все перерыты, а в карманах у него – все, что он там успел набрать: ложки, часы, деньги, старые запонки. Участковый его за шкирман и в отделение. И после этого начался цирк. – Ира только вздыхала. – Я его допрашивала с самого начала. И вот что он мне заявил: шел он, мол, с работы трезвый как стеклышко (заметь, на работу он так до сих пор и не устроился). Внизу у подъезда встретила его жена соседа. И предложила ему прямо с ходу заняться любовью. (Это старуха-то в шестьдесят лет!) Он, естественно, решил не разочаровывать даму, после чего поднялся к ней в квартиру.

Там она поднесла ему водки с клофелином (именно с клофелином, он настаивает с пеной у рта – чувствуется опытная рука тюрьмы). И когда он лежал без чувств, старуха соседка сама разбила окно и насовала ему в карман вещи. Специально. «Она мне мстит, посадить хочет, – верещит он на каждом допросе. – За мужа квивается! А я не вор. Хулиган – да, баклан по-нашему. А баклан вором не бывает».

Слушала я эти сказки целый месяц, – продолжала Ира. – А после Нового года стала предъявлять ему обвинение. Как увидел он статьи: пятнадцать – сто сорок четыре – покушение на кражу и двести шестую – свою любимую, так и взвился на дыбы. Орал так, что весь ИВС чуть не взбунтовался.

На следующий день планировала я ознакомить его с экспертизой: физико-техническую назначила насчет стекла, с какой стороны оно было разбито – снаружи или изнутри. Результат, естественно, был – снаружи, что и требовалось доказать.

Приходит он в следственный кабинет, смотрю, что-то уж больно бледнолицый, даже веснушки вылиняли. Руки согнул и к животу их прижимает. Я ему: «Давайте ознакомлю вас с экспертизой. Распишитесь, что поняли свои права». А он глухо так, словно вампир из могилы: «Уж распишусь, распишусь!» Руки вниз опустил, и тут – Господи, реки крови! Вены он себе стеклом от лампочки вскрыл. Они в камере сетку отогнули, лампочку кокнули. Что тут началось! Он орет, кровь из вен хлещет, все залито – пол, стол, бланки. Я тоже ору. Тут, слава Богу, из соседнего кабинета врывается Селезнев. Меня подхватил, из кабинета вытолкнул, потом ка-ак на него: «Ах ты, такой-сякой, разэтакий, Голоногий, Голозадый, фокусы выбрасываешь! Да я тебя...»

«Скорую» ему тут же вызвал. Врачи приехали, жгутом его перетянули, перебинтовали. Я реву в розыске, а Гена мне: «Глупенькая, да это финт у них, у психоватых, такой. Чуть дело не по-ихнему поворачивается, они тут же себе вены грызть начинают. Избитый прием! Знают, что истечь кровью им никто не позволит, откачают. Да это и не страшно совсем! Подумаешь, сто грамм крови вышло. Раньше вон кровопусканием все болезни лечили: пиявки специально ставили».

Вот так мы с ним с экспертизой знакомились. А сегодня начнется дело похлеще: конец дела, двести первая статья, – говорила Ира. – Ванечка Журавский у него защитником, по назначению. Его от Голорукова тошнит.

Журавский был звездой Каменской юрконсультации. Десять лет он проработал следователем на Петровке, а затем ушел в коллегиию адвокатов. Он был дорогим и въедливым.

Ровно в 15.00 Журавский уже сидел в Ирином кабинете – как всегда, щеголеватый, надутый, подтянутый.

– Что, мадемуазель Кити, старое вспомнить захотелось? – усмехнулся он, доставая из визиток блокнот и серебристый «Паркер».

– Мне впечатления нужны, Ваня, – ответила Катя. Ее уже терзали сомнения: что-то этот Голоногий-Голорукий не того. А то, пожалуй, так *отвлечешься*, что и не обрадуешься потом.

– Не бойтесь, девочки, я с вами, – подбодрил их Журавский. – Я этого хмырюгу сейчас быстро приструню.

И вот они спустились в Каменский ИВС. Охранник захлопнул за ними тяжелую железную дверь с массивными запорами и глазком, затем провел в следственный кабинет.

– Сейчас приведу вашего артиста, – сказал разводящий, плотоядно ухмыльнувшись.

Катя придвинула свой стул к зарешеченному окну, подальше от следственного стола.

Ввели Голорукова. «Не атлет», – оценила его Катя.

Этот низкорослый шибздик с мутными бегающими глазками и злобным выражением морщинистого личика напоминал затравленного хорька. Он сел на табурет, привинченный к полу.

– Ну-с, здравствуйте, Голоруков. Я ваш адвокат, Журавский Иван Игоревич, – успокоительно забасила защита. – Сейчас мы с вами подробно ознакомимся с делом, подпишем документы.

– Брехня там все! Она вон, – Голоруков ткнул скрюченным пальцем в сторону Гречко, – всю трепаловку этой дуры, бичовки этой старой, записала и верит ей, в рот смотрит. А я не вор, не вор, не вор!! – Он закатил глаза так, что стали видны только его налитые кровью белки, и затрясся. – Ясно вам?! Баклан не вор!!!

– Ясно, ясно. И все же для полной ясности надо прочесть дело. – Ира старалась говорить как можно мягче.

– А... мне ваше дело! – завопил Голоруков. – Не буду я ничего читать! И пошли вы все от меня на..! – Он с треском рванул на груди застиранную клетчатую рубашу, обнажив впалую, костлявую грудь. – Я... вас... в... гробу... видел!!

– Ма-а-лчать! – От этого лязгнувшего сталью окрика звякнули оконные стекла. Катя съежилась на своем стуле, а Ира Гречко в изумлении уставилась на адвоката Журавского. – Встать! – гаркнул он. Голоруков поперхнулся бранью и невольно привстал. – Руки по швам! – снова гаркнул адвокат.

Глаза его метали молнии, шикарный блейзер распахнулся, предъявляя миру белейшую сорочку и неброский изысканный галстук. Синие глаза Иры Гречко светились восхищением.

– Ты скажи спасибо, Жорж Голоруков, что я твой адвокат, а не следователь, – процедил Журавский. – Тебе удача выпала, что девушка интеллигентная твое поганое дело ведет. Ты б у меня за такие слова тут же бы зубами подавился. В стенку бы влип!

– А ты, адвокат, ах ты... ты... – В груди Голорукова что-то клокотало и булькало.

– Ма-алчать! – снова рывкнул Журавский. – Я таких, как ты, десять лет давил, да, видно, мало. У нас в отделении ты бы сто раз сейф своей башкой протаранил.

– Ах ты, мент, адвокат, да я... Не буду я ничего читать! А от тебя я отказываюсь! И показаний больше никаких, и дело читать не буду! Из камеры вы меня больше не возьмете! – истерически визжал Голоруков.

Журавский подошел к нему и рывком сдернул за остатки разорванной рубашки с табуретки.

– И не надо, Баклан, – молвил он невозмутимо. – Мы и без твоего согласия обойдемся. – Он передал Голорукова с рук на руки заглянувшему в кабинет разводящему.

– Так его, так, Иван Игоревич, – прогудел тот одобрительно. – Да в ухо бы еще! В ухо!

– Ира, иди за понятыми. Девочек возьми из машбюро, – распорядился Журавский. – Мы сейчас документ по всей форме составим, что дело этому ворюге было мной прочитано от корки до корки через «кормушку» в двери камеры в присутствии следователя и двух понятых.

Катя наблюдала, как в течение часа Журавский добросовестно читал материалы дела открытой настешь «кормушке». Девушки-понятые сидели на стульях в коридоре ИВС, слушали, хихикали. Из камеры неслись яростные вопли Голорукова.

– Все, – сказал Журавский. – Ознакомлен. Сейчас я все зафиксирую. Понятые, распишитесь.

Из камеры донесся леденящий душу вой. В двери соседней камеры забарабанили дюжие кулаки. Дежурный открыл «кормушку».

– Слушайте, уберите вы этого отсюда! – возмущались хриплые голоса урок. – Ни сна, ни покоя нет. Везите его в Волоколамск, что ли! Или к нам переведите. Мы его тут быстро заткнем.

– Тихо, ребята, тихо. У него нервы разгулялись, – засмеялся дежурный охранник. – Ну и адвокат ему достался. Ай да адвокат, ай да молодец! И вам всем такого же желаю. – Он с грохотом захлопнул окошечко.

Все безобразия Баклана и героическое поведение Журавского были до мельчайших подробностей обсуждены вечером. Катя сидела в кресле в Ириной комнатке в старой каменной коммуналке. Они пили шампанское за встречу и делились впечатлениями.

– Рыцарь, – вздохнула Ира. – И какой мужчина!

– Женат? – деловито осведомилась Катя.

– Женат. Такие долго в холостяках не засиживаются. Он, между прочим, похож на Джеймса Бонда.

Катя хмыкнула: слышал бы это сравнение Вадечка! То-то взъерепенился бы. Действительно, у Журавского шансов выглядеть агентом 007 было – сто к одному.

Она пила ледяное, только что из холодильника, «Асти» и думала, что все это, конечно, хорошо, но как все-таки теперь быть со Светкиной смертью? Что же случилось с ней? Неужели она стала жертвой... Неужели?

За окном падал мягкий снег. Тысячи снежинок, подобно тысяче вопросов, на которые просто невозможно сразу найти правильный ответ, роились в черном вечернем воздухе.

Глава 6

КОМНАТА ДУХОВ

В этой комнате даже днем горело электрическое солнце: круглый матовый светильник на потолке. В этой комнате тяжелые гобеленовые шторы были всегда задернуты. Всегда. В этой комнате веял легкий дразнящий аромат духов «Weil de Weil». Он выбирал эти духи сам. Они создавали настроение. Именно то, *то самое* настроение. Отвратительно творческое – как говаривал Мастер.

В комнате вдоль стен стояли мягкие диваны, разноцветные и широкие: полосатые, в фантастических разводах и цветах, покрытые восточными коврами и цыганскими шальями. В центре, спиной к занавешенному портьерами окну, лицом к дубовой двери, стояло единственное кресло. Его кресло. А в кресле обычно сидел он сам. Сидел, думал, мечтал, вспоминал... Как говаривал Мастер: даже если мыслительный процесс лишен какой бы ни было практической цели, это весьма увлекательное занятие, которому есть смысл предаваться от нечего делать.

Да, сейчас мысли его на самом деле никакой практической цели не преследовали, они просто витали, клубились в этой комнате, впитывая в себя аромат «Weil de Weil», пытаясь уловить ускользающий призрак желанного настроения.

Он медленно переводил взгляд – комната была его произведением. Он сам обставил ее, советуясь исключительно с собственными капризами. Она не предназначалась для посторонних глаз. Чужие сюда никогда не поднимались, даже если и бывали там, внизу. А свои... Свои его не осуждали.

По стенам лепились огромные белые плакаты, где крупными буквами, искусно начертенными тушью и стилизованными под китайское письмо, были выведены его собственные афоризмы. Направо висел плакат с надписью: «Семь заблуждений». Он шепотом перечислил их:

СЧИТАТЬ СЕБЯ БЕССМЕРТНЫМ
СЧИТАТЬ СВОИ КАПИТАЛОВЛОЖЕНИЯ НАДЕЖНЫМИ
ПРИНИМАТЬ ВЕЖЛИВОСТЬ ЗА ДРУЖБУ
ОЖИДАТЬ НАГРАДУ ЗА ДОБРО
ВООБРАЖАТЬ, ЧТО БОГАТЫЕ ДЕРЖАТ ТЕБЯ ЗА СВОЕГО
ПИСАТЬ СТИХИ
ПРОЩАТЬ ДОЛГ

На левой стене китайский стиль перечислял «Девять радостей»:

СМЕЯТЬСЯ, ДРАТЬСЯ, НАБИВАТЬ ЖЕЛУДОК,
ХВАСТАТЬСЯ, ЗАБЫВАТЬ, ПЕТЬ, МСТИТЬ,
СПОРИТЬ, ОТДЫХАТЬ

Над входной тяжелой дубовой дверью висела легкая шелковая лента с девизом:

Помните, что вы скоро умрете.

Здесь же, в уютном углу, увитом искусственным плющом и бегониями, освещенный узким напольным светильником, изображавшим вонзенный в землю рыцарский меч, висел портрет МАСТЕРА.

Он заказал портрет в Риме. Художник не подвел. Он отлично скопировал черты лица с фотографий. Итак, теперь Мастер был с ним всегда. Он жил в этой комнате вот уже два года. И она ему нравилась.

Иначе и быть не могло, ибо эта комната являлась точной копией той, что век назад располагалась в красивом старинном доме на Литл-Колледж-стрит, позади Вестминстерского аббатства в Лондоне. Там не имелось только этого портрета. Потому что человек, на нем изображенный, проводивший в той комнате многие часы своей жизни, был тогда реален, спокоен, счастлив и знаменит. Он не нуждался в портретах. Ведь с фотографий пишут обычно портреты покойников.

В комнату без стука вошла женщина. Высокая, гибкая. Прямые черные волосы рассыпались по плечам, карие глаза под всегда полуопущенными веками влажно блестели, крупный породистый рот ярко накрашен – точно кровавая рана или причудливый оранжерейный цветок.

Он любил подобные сравнения: рот – рана – орхидея... А эта женщина... Эта женщина напоминала ему хлыст и Кармен одновременно. Если б он был художником, он написал бы ее в виде гибкого безжалостного хлыста из бычьей кожи, увенчанного на рукоятке ее прекрасной головкой.

– Уже приехали, – сказала она тихо. – Новое покрытие привезли. Три рулона. Ты сам выберешь, Игорь?

Он улыбнулся, чуть помедлил.

– Сам. Потом. Ты скажи, что мы берем все три рулона. И заплати им. Заплати им, Лели.

Она плавно повернулась и пошла вон из комнаты. Ее короткое и очень простое на вид черное платье плыло в пропитанном духами воздухе.

Лели... Сценическое имя – Клелия. Она сама его себе придумала еще там, в Риме, когда пела в маленьком русском кабачке на Пьяцца дель Донго. Он увидел ее там, когда, похоронив брата, поехал в свое первое путешествие.

Он прикрыл глаза, протянул руку и нажал кнопку магнитофона, стоявшего на полу под креслом. Запись на кассете звучала всегда одна и та же: Фредди Меркьюри. Великие хиты. Фредди – тот, кто понял бы его без глупых объяснений. Обаятельный и загадочный Фредди – словно принц в изгнании.

Группа «Queen» ничего не значила без Фредди, без его божественного голоса. С тех пор как он умер, мир опустел. Навсегда.

В комнате зазвучала «La Japonaise» – японская песенка-дуэт. Голоса Фредди Меркьюри и несравненной Монтсеррат Кабалье переполняли его сердце. Он вздохнул. Из мглы воспоминаний выплыло знакомое лицо.

Брат. Его старший брат, Василий Верховцев, ничего не смысливший ни в творчестве Мастера, ни в духах, ни в хорошей кухне, ни в театре. Но взамен у него имелось одно драгоценное качество: он умел делать деньги. Из всего делать: из металлолома, удобрений, «ножечки Буша», бензина, финансовой нестабильности, воздуха.

В 1986 году он начинал в затхлой и грязной конторе по переработке вторсырья в Свиблове, а спустя всего восемь лет, к началу 1994 года, у него уже были собственные пароходы, акции, магазины, кирпичный завод, два особняка в Москве и на побережье Финского залива, вилла в Испании и солидный счет в швейцарском банке. Василий работал как вол, вкалывая по двадцать три часа в сутки.

Пока его младший брат искал свои собственные пути в искусстве и жизни, исследовал творчество Мастера, играл на любительской сцене, сопереживал и не сопереживал чужим

страстям из зачитанных до дыр пьес, Василий становился одним из самых богатых людей России.

Младшего брата он тщетно пытался пристроить к какому-нибудь бизнесу. «Ты бы делом, что ли, занялся, Игоряша, – говаривал он в минуты их редких встреч. – Хочешь поручководить парфюмерной фирмой? Там нужны только твой лоск и наша фамилия. Остальное – забота менеджеров». Но младший брат отказывался: «Я люблю аромат духов. Меня абсолютно не интересует их стоимость. Мне больше нравится вдыхать, чем торговать ими».

Верховцев-старший только морщился, жеманство брата Игоря начинало действовать ему на нервы. Однако он терпел. Он любил брата и привык опекать его во всем. Их родители погибли в автокатастрофе, когда ему только-только исполнилось восемнадцать, а младшему, Игорю, двенадцать лет. И на долгие годы Василий заменил ему и отца и мать: кормил, одевал, давал возможность учиться. А сам работал, работал, работал, делая деньги из всего, что попадало в поле его зрения.

Как-то они сидели в этом самом доме, где сейчас на втором этаже помещалась комната, освещенная электрическим солнцем, смотрели на искусственный огонь в камине, и Верховцев-старший сказал:

– Игорь, через два месяца я женюсь.

– Да? – Младший брат мягко улыбнулся.

– Ты не хочешь спросить, на ком?

– Нет. Я хочу спросить: зачем?

– Затем, что мне нужен сын, который продолжит мое дело.

– А если родится дочь?

– Мне тридцать девять. Я могу с женщиной столько раз, сколько необходимо, чтобы у нее родился сын.

– Она будет у тебя вечно беременной, Васенька.

На этом их разговор окончился.

А через месяц, в феврале 1994 года, Василия Верховцева застрелили в подъезде дома его любовницы, которая уже шила себе свадебное платье, собираясь в самом скором времени стать его женой. Верховцев получил пять пуль: в живот, шею, грудь. Шестой, контрольный, выстрел сделали ему уже мертвому в голову.

Убийцу так и не нашли. Прокуратура почти год вела дело по заказному убийству, но никаких результатов не добилась. Игорь похоронил брата на Кунцевском кладбище и в самом скором времени вступил в права наследования его состоянием. Бизнес, пароходы, кирпичный завод его не интересовали, так же как и парфюмерная промышленность. Он быстро и легко уступил все права компаньонам брата на эти деловые детища Верховцева-старшего. Отступные составили очень крупную сумму. Он приплюсовал ее к тому счету в швейцарском банке.

Деньги ему в основном требовались на то, чтобы устроить свою жизнь так, как он уже давно этого хотел, как подсказывало ему его собственное воображение. Ведь как учил Мастер: богатство и воображение сочетаются лишь в том случае, когда богатство не нажито, а *унаследовано* ...

Для начала он полностью перестроил особняк в Холодном переулке, некогда бывший офисом его брата. Ему нужен был просторный первый этаж, и он его вскоре получил. А второй... На втором его интересовала только комната Мастера. Декораторов и художников он туда не допускал. Все остальные помещения на этом этаже предназначались под жилые и служебные.

Затем он уехал в свое первое путешествие по Европе. Турфирма, куда он обратился, разработала для него индивидуальный маршрут. В переводчиках он не нуждался. В юности он закончил филологический факультет, его познания в английском и французском были

даже выше, чем у обычного студента. Он любил эти языки, ведь на них говорил и писал Мастер.

В Европе он занимался тем, что закупал все необходимое для своего будущего замысла. Он проехал Францию, Австрию, отдохнул в Альпах, провел две солнечные недели в заснеженном Инсбруке и отправился в Италию. У него имелась двухнедельная виза, он поспешил ее продлить. Там, в миланских и римских театральных мастерских, он сделал крупный заказ – почти в полмиллиона долларов – и закупил костюмы, реквизит, ткани, краски, духи, цветы, предметы старины и множество других необходимых вещей. Груз был отправлен пароходом в Одессу. У итальянской таможни нашлись некоторые придирки, но он дал «чичероне» солидную взятку, и все утряслось само собой.

Тогда в Риме, в июне 1994 года, он и встретил Клелию. У нее были самые обычные русские имя и фамилия (а также итальянская фамилия). Впоследствии, в отделе выдачи виз, на таможне, в аэропорту, они постоянно назывались, потому что значились во всех ее документах. Но он их никогда не произносил вслух. К чему? Ему нравилось в ней именно то, что она русская, русская из Рима, и то, что она – Клелия, Лели.

Когда они впервые поговорили начистоту, она только лениво усмехнулась уголком накрашенного рта:

- Я русская певица, а не какая-нибудь б...
- Но я не сплю с женщинами, – сказал он.
- Ты спишь с мужчинами? – снова усмехнулась она.
- Нет.
- С кем же тогда?
- Сам с собой. Иногда.

В ее глазах что-то мелькнуло. Он понял, что разговор их еще не окончен.

Клелия вышла за гражданина Италии в двадцать три года. До этого она уже была женой известного советского художника – костлявого старца, доживавшего последние дни на крупные гонорары от выставок, устраиваемых ему Академией художеств. Его эпическое полотно «Триумф XXV съезда КПСС» красовалось в Третьяковской галерее в разделе «Искусство развитого социализма». На приеме в итальянском посольстве она познакомилась с седым, огнеглазым и порывистым синьором, представившимся ей графом Луиджи Бергони.

– Мне шестьдесят пять лет, моя жена мертва уже два года. В моем большом доме в Сорренто пусто и тихо, – шепнул он ей на ломаном английском после того, как они весь прием говорили о творчестве ее престарелого мужа.

А через три месяца она стала его женой. Художник, не выдержав потрясения, скончался от инсульта. У нее хватило ума не отказываться от советского подданства, но тем не менее мысли ее уже летели к берегам Средиземного моря.

Синьор Бергони оказался в делах любви требовательным и ненасытным. Она сильно уставала от его домогательств, но терпела – в мечтах ей представлялась увитая виноградом вилла в Сорренто, чудесная белая спальня, залитая солнцем терраса, выходящая на лазурный залив...

– Шестьдесят пять, а каково? – шептал ей потный и задыхающийся синьор Бергони. – Каково, а? Хочешь еще?

Дом в Сорренто действительно оказался фамильной графской резиденцией, но... он срочно требовал немедленной и полной реставрации. Денег же на его ремонт у синьора Бергони не оказалось.

– Вы же говорили, что... – возмущалась она, созерцая эти заросшие мхом и камнеломкой развалины.

– Так получилось. Дом графов Бергони беден. В нашей стране деньги имеют только выскочки, нувориши, пошлые и темные деляги, – жаловался старый ловелас. – Я ехал в

Союз в надежде подписать один контракт, который спас бы меня от полного разорения. Но ваше Министерство внешней торговли оказалось несговорчивым. Вместо русских прибылей я привез себе русскую жену. – И он галантно целовал кончики ее пальцев.

Она промучилась с ним ровно два года. Поначалу ей даже пришлось вставить спираль, ее страшила мысль, что этот старик, наградив ее отпрыском рода Бергони, сыграет в ящик, оставив ее без гроша. Но, к счастью, возраст брал свое, и он докучал ей все реже и реже.

А потом она встретила синьору Риту, содержавшую уютный русский ресторан на маленькой площади в центре Рима. Там собирались потомки всех волн русской эмиграции и диссиденты. Она пришла туда только потому, что ей однажды нестерпимо захотелось перекинуться с кем-нибудь словом на родном языке. Пришла и осталась у Риты, послав на следующий день к Бергони двух официантов за своими вещами.

– Я положу тебе хорошее жалованье, – сказала толстая нежная Рита, дымя длинной сигаретой и щуря на синьору Бергони серые глаза с расширенными, как у кошки, зрачками. – Ты красивая. Ты будешь петь. И ты не пожалеешь, что *сжалилась* над Ритой.

Синьор Бергони потом таскался в этот ресторан всякий раз, как у него заводились деньги. Он плакал и пил русскую водку, что ему совершенно не шло, и добился того, что она люто возненавидела его. «Рита, избавь меня от него», – ей стоило только попросить, и подруга сделала бы невозможное, но... все вдруг сложилось как-то само собой. Однажды утром приходящая в дом синьора Бергони прислуга нашла графа Луиджи мертвым в постели. Он был в специальном «бандаже холостяка». Ощущения, которых он добивался от этой хитроумной машинки, оказались слишком сильными для его престарелого сердца.

С тех пор вот уже восемь лет она пела в ресторанчике на Пьяцца дель Донго и была даже счастлива в те минуты, когда синьора Рита не слишком напивалась.

Все это она и поведала Игорю Верховцеву, первому мужчине из России, который ее чем-то безотчетно заинтересовал. Несколько вечеров подряд он приходил в их заведение, садился за ближайший к эстраде столик, заказывал вино, пил и смотрел, как она пела. «Синьора Клелия, – объявлял ведущий программы. – Несравненная синьора Клелия!»

– Поедем домой, Лели, – предложил он ей. – Брось все это дерьмо, брось эту толстую Мессалину. Я сделаю из тебя великую актрису. Ты будешь играть в таких пьесах, каких еще не видел мир.

– В России этого просто не может быть. Ты бредишь или лжешь.

– В России конца второго тысячелетия возможно все, – возразил он. – В девяносто пятом – девяносто шестом годах случится много чего интересного. Так ты не утратила своего прежнего гражданства? Нет? Тогда в чем же дело?

Вот тогда она и высказала свою звучную фразу, заготовленную, чтобы отшивать тех, кто волок ее в постель. Она не собиралась изменять благодетельствовавшей ее Рите с разными проходимцами. Она выглядела очень эффектно тогда...

Он улыбнулся, вспомнив все это. Щелкнул магнитофонной кнопкой, перемотал пленку. Фредди запел свое «Упражнение в свободной любви». Что ж, сердце женщины – загадка. В октябре девяносто четвертого он уже встречал графиню Бергони в Шереметьеве-2. Клелия была именно той женщиной, которая, по его замыслу, рисовалась ему в роли...

Но сначала надо было распределить роли среди мужчин. Вернувшись из Италии, он ревностно искал себе друзей, единомышленников, соратников, рабов, последователей, учеников. Найти подобных оказалось делом архисложным. Иногда он отчаивался: ну почему, почему наши мечты так трудно воплотить в жизнь, даже имея в своем распоряжении такой капитал, как капитал Верховцева-старшего? Но однажды...

Дверь снова бесшумно распахнулась, вошел Данила.

– Звонил секретарь господина Ямамото. Интересовался, когда можно будет нас посетить, – сказал он с легкой усмешкой.

– Ты сообщил, с какими трудностями это связано?

– Сообщил. Но господин Ямамото настаивает. Секретарь сказал, что он прилетел в Москву всего на две недели. И хотел бы увидеть то, что настоятельно рекомендовал ему увидеть мистер Тара. Я попросил, чтобы он перезвонил нам в среду.

– Ты надеешься так быстро найти замену? – усмехнулся Верховцев.

– Я попытаюсь, у меня кое-кто есть на примете.

Верховцев вздохнул: да-да, именно своим темпераментом и энергией Данила покориł его с самого начала. Они впервые встретились в Питере в одной подпольной вонючей порностудии. Верховцев обыскал их все, но материал везде был грубым, пошлым, вульгарным. Но Данила...

– Что ты делаешь в этом вертепе? – напрямик спросил его тогда Верховцев.

– Зарабатываю деньги, – ответил Данила.

Имя это, кстати, ему совсем не шло. Он был огромным и стройным, с горделивой осанкой, кудрявыми темными волосами до плеч, надменным ртом и холодным взглядом серых широко расставленных глаз. Верховцеву он сразу же представился в обличье древнего германца в волчьей шкуре, рогатом шлеме, с огромным мечом в руках.

– Я предпочел бы, чтобы ты зарабатывал деньги у меня, – сказал он.

– Сколько? – спросил Данила.

Следующим его вопросом было:

– Что я должен делать?

Они сидели в этой самой комнате, под насмешливо-рассеянным взглядом Мастера. Выслушав Верховцева, Данила промолвил:

– Ты сумасшедший.

– А ты? – спросил Верховцев.

Данила засмеялся, и смех его был красноречивее всяких слов.

Данила и привел к нему Олли. Это случилось в октябре, как раз перед приездом синьоры Бергони. Он просто привел его в этот дом за руку и сказал:

– Познакомься, это мой Олли. Он все знает. Он согласен.

Верховцев, едва увидев этого юношу с золотистыми волосами, изящной фигурой и свежим розовым румянцем на щеках, такого тихого, светлого, ясного, мысленно вознес хвалу Мастеру. Тот оказался, как всегда, прав: образы, созданные чьим-то воображением давным-давно, оживали прямо на глазах.

Олли, и это даже не надо было проверять по старым фотографиям, походил на того, ради которого Мастер, Великий Мастер, Король и Знаток Жизни, принес в жертву все. Все – покой, имя, богатство, славу, честь, успех, творчество.

Олли оказалось уменьшительным именем от Ольгерда. Он был по паспорту литовец, а по крови – на четверть поляк, на четверть швед и на две четверти потомок славного Гедмина. Говорил он по-русски чисто и правильно, с едва уловимым металлическим акцентом.

Семья его, точнее, жалкие ее остатки, бежала из Литвы после девяносто второго года. Его дед был убежденным и высокопоставленным коммунистом. В двадцатых он устанавливал советскую власть в Сибири, в тридцатых был председателем балтийского отделения Коминтерна, в сороковых боролся с буржуями у себя в Литве. В девяностых этот ровесник века, доживавший свои дни на правительственной даче в окружении нянек и слуг, переживший всех своих детей и внуков и имевший в качестве единственного наследника правнука Ольгерда, с грехом пополам учившегося в Ленинграде в балетном училище имени Вагановой, в одночасье собрался и покинул Литву, заявив, что с *новыми буржуями* и недобитыми кулаками он не желает иметь общее небо над головой.

После смерти деда Ольгерд не собирался возвращаться туда, откуда его дряхлому предку пришлось уносить ноги. В течение трех последних лет они с Данилой были любов-

никами и жили в квартире, некогда выделенной старому литовскому большевику из питерского жилфонда.

– Квартиру на Неве вы можете продать, – сказал им тогда Верховцев. – С этого момента вы живете и работаете у меня.

– Значит, ты надеешься так быстро найти замену? – переспросил он. – А как с тем поручением?

Данила молча прикрыл глаза, давая понять, что все исполнено.

– Ладно. – Верховцев откинул со лба длинную прядь светлых, остриженных в форме каре волос. – Лели сказала, что привезли новое напольное покрытие. Надо выбрать цвет. Тебе придется снова потрудиться. Увы, эту работу я не могу доверить никому, кроме тебя.

Данила усмехнулся, раздул ноздри точеного носа, вбирая в себя острый, волнующий аромат духов, клубившийся в комнате.

– Я возьму молоток и гвозди.

Верховцев легко поднялся с кресла. Голос Фредди Меркьюри внезапно умолк – запись кончилась. Верховцев медленно приблизился к портрету Мастера, с минуту разглядывал его, затем нажал ногой на напольный выключатель. Электрическое солнце погасло. Они вышли, позабыв отключить светильник в виде стеклянного рыцарского меча, выхватывающий из мрака искусственную зелень плюща и темный пурпур бегоний, а также маленькую серебряную табличку, привинченную к портретной раме: «Оскар Уайльд. 1893 год».

Глава 7

ЗЛОВЕЩАЯ СТАРУШКА, КНЯЗЬ И ДРУГИЕ

Среда началась кроваво. С утра пораньше в пресс-центре трезвонил телефон.

– «Времечко», – сообщил Горелов. – Они туда съёмочную направляют. Но наша телегруппа уже на подходе. Всех опередят: и второй канал, и «Скандалы», и «Хронику», и «Дважды два». Сюжетец наш будет.

Катя поежилась. «Сюжетец» заключался в съёмках одной зловещей старушки, проживавшей в сельце Узуково в дальнем Подмоскowie. Старушка эта имела все шансы, чтобы попасть в шикарно изданную энциклопедию «Монстры и чудовища». Дело в том, что старушка с безобидной фамилией Проткина оказалась натуральной... людоедкой.

Жили старички Проткины тихо и мирно и поначалу никого не трогали. Дети их изредка навещали, привозили из города продукты и свежие новости. Соседи-узуковцы тоже порой забредали проведать. Но общаться с Проткиными с каждым годом становилось все труднее – маразм крепчал.

И вдруг заметили соседи исчезновение старичка Проткина. Посудачили день, два, три, а затем решили взглянуть, что же все-таки происходит в маразматическом домике.

Первое, что они узрели, был голый труп старика, лежавший посреди горницы на пестром домотканом половичке. Дедочку проломили голову обухом топора. Но это было еще не все. Увидев *остальное*, соседи с дикими криками ринулись к местному участковому.

Во второй раз в дом пришлось заходить с нарядом милиции. И лица стражей порядка, привыкших к разнообразной пестроте людских безобразий, перекосила судорога, ибо, как впоследствии деликатно указывалось в милицейских рапортах, «мягкие ткани с ягодичной области трупа гражданина Проткина были удалены полностью». Проще сказать, отрезаны. Увы, поначалу было неизвестно, где искать эти самые удаленные мягкие места. Старушка Проткина застыла на табуретке подобно статуе Химеры на соборе Парижской Богоматери. «Ступор, – констатировал участковый. – В психушку. Она мужа угробила, потом... сделала это самое, а потом и с катушек съехала». Старушку увезла «Скорая» в «желтый дом», а мягкие части старичка Проткина в конце концов отыскивались в морозилке холодильника «ЗИЛ». Они успели уже задубеть, словно натуральная говядина. Кусок же грамм этак на триста плавал в кастрюльке в жирном белесом бульоне.

После составления детального протокола осмотра места происшествия участкового долго и мучительно рвало над унитазом в старушкиной уборной.

– И они будут это снимать? – брезгливо спросила Катя.

– Они же *это едят*, как ты верно подметила, – хмыкнул Горелов. – Ну и пусть. Пусть лопают, пока у них все это наружу не полезет. Как же, старушка-людоедка – находка для голубого экрана. Есть чем заполнить очередной выпуск новостей. Это лакомство для господ телевизионщиков. А для тебя... для тебя найдется кое-что и посерьезнее.

– Что? – Катя насторожилась.

– Прохорова взяли.

– Правда?

– Правда. Вчера ночью из Минска привезли в наручниках.

Катя лихо присвистнула. Андрюшу Прохорова можно было смело считать одним из самых любопытных преступников девяностых годов. Двадцать лет, за плечами только десятилетка и... тринадцать трупов. К тому же недюжинный криминальный «талант». Прохоров ухитрился сколотить банду, подчинив себе пятерых бывалых, сидевших, прожженных

урок. Сорокалетние здоровые мужики беспрекословно подчинялись этому юнцу, потому что панически его боялись.

Отмороженный Андрюша – эта кличка прилипла к нему после первого же убийства водителя «Жигулей» на Горьковском шоссе. А потом были еще убийства. Отмороженные лютовали на дорогах Подмоскovie. В отличие от других автомобильных банд они специализировались исключительно на легковом транспорте. Убивали шофера, отмывали салон от крови и гнали машину в Белоруссию, где сбывали за полцены. И так тринадцать раз.

Летом девяносто пятого областной угрозыск крепко сел банде на хвост. Одного за другим бандитов брали, однако Отмороженный Андрюша под шумок успел куда-то откочевать. И вот наконец взяли и его...

Катя вздохнула и подобно комете двинулась в розыск, к Колосову. Сердце ее так и прыгало в груди, предчувствуя *настоящую сенсацию*. Однако дверь кабинета начальника «убойного» отдела оказалась запертой.

– У начальства, – шепнул ей знакомый парень из этого отдела. – Ты, Катя, иди, сейчас не до тебя тут. Сопещание небольшое намечается. – Внезапно он взял ее за руку, предлагая чуть посторониться. Катя сделала шаг назад, обернулась.

По коридору шла странная процессия. Впереди, пристегнутый наручниками к рослому, мрачного вида оперу, медленно шагал невысокий белобрысый парень, одетый в засаленный адидасовский костюм и кроссовки без шнурков. Второй опер шел позади, едва не наступая парню на пятки. Проходя мимо Кати, парень в «адидасе» зыркнул на нее. Глаза его были нежно-голубыми, внимательными и блестящими. Белобрысые бровки хмурились. На щеках, поросших золотистым пушком, багровели юношеские прыщи.

– Это кто? – шепнула Катя.

– А это сам Отмороженный Андрюша, – тоже шепотом ответил сыщик. – Его к шефу ведут. Там уже половина розыска. Ты иди, Катя, иди. Потом позвони мне или Никите, все подробности твои будут.

– Его правда в Минске задержали? – успела застолбить участок Катя.

– Правда. На квартире, в пригороде. Он в последнее время даже за едой перестал выходить. Осторожничал, – ответил опер.

Катя в задумчивости поднималась к себе на этаж.

В пресс-центре зазвонили телефоны. Катю срочно требовал редактор журнала «Авторалли»:

– Материал нужен, Екатерина, что-нибудь суперкриминальное. Из жизни автомобилистов.

– Будет вам суперкриминальное, – пообещала Катя: Отмороженный Андрюша сулил принести неплохие дивиденды.

«Колосову сейчас делом Красильниковой заниматься явно недосуг, – уныло размышляла она, стуча на машинке. – Такие события повалили! Они Отмороженного теперь дня три долбить будут, а то и больше. Что ж, Андрюша стоит того, чтобы его раздолбили вдрызг. Но насчет Лавровского к Никите теперь тоже не подступишься. И что же тогда делать? Что делать-то?»

Опять зазвонил телефон. От злости Катя ляпнула ошибку.

– Катенька, ну ты что же? Забыла? – раздался обиженный голос Князя. – Ты еще на работе? А я тебя жду, жду.

– Ой, Сереж, извини, и вправду чуть не забыла. – Катя ахнула.

– Тебя на остановке встретить?

Она вздохнула: Князь в своем дворянском репертуаре.

– Я не инвалид, и на дворе не час ночи, Сереженька. Я прекрасно доплетусь до твоей квартиры сама.

Она еще успела заглянуть в книжный магазин на Никитской, а затем автобус «К» благополучно довез ее до Яузской набережной. Там, в заново отремонтированном доходном доме, в двухкомнатной квартире, бывшей некогда коммунальной, обитал Сергей Мещерский. Квартирку эту он выменял с доплатой во время работы в фирме. Оборудовал и обставил по собственному вкусу.

Катя, отряхивая с шубы снег, звонила в его дверь уже в начале седьмого.

– Ну наконец-то! – Мещерский с ходу ткнулся щеголеватыми усиками в ее холодную розовую щеку. – Мы тебя заждались.

– Мы – это кто? – поллюбопытствовала Катя, сбрасывая мокрую шубку на его руку.

– Мы – это мы. – С кухни в прихожую с достоинством выплыл Кравченко.

– Ты же приказал мне не брать с собой этого мужлана, – сухо молвила Катя.

Мещерский только развел руками.

– Променял тебя на пиво и креветки, – ухмыльнулся Вадька.

– Понимаешь, Катя, он ввалился всего час назад, – забормотал Князь. – Устал, мол, как собака, домой не доберусь, мотор заглох, позволь ночевать и...

– С креветками и пивом в обнимку? – уточнила Катя.

– Ну да, и я...

– Все ясно. – Она присела на кресло, стоящее в прихожей, и начала расшнуровывать башмаки. – И уже успели нализаться. Что за люди!

– Я привез пищу в этот забытый Богом дом! – прогудел Кравченко. – Я... Ага, у тебя в сумке тоже сверточка какие-то. Давай сюда. Что там есть вкусенького?

Через секунду он уныло созерцал книги, приобретенные Катей в магазине на Никитской.

– Стефан Малларме, «Александрийские элегии», «Метаморфозы». Тоже мне Овидий среди варваров, – хмыкнул он разочарованно. – Интересно посмотреть, как ты читаешь вот такие заумные книжечки у себя в ГУВД. Гораций среди скифов! Нет, ничего для нашего с тобой желудка, Князь, здесь нет, даже не мечтай. Тут только одни стихи. О пище насущной в этом доме забочусь только я! Мать честная! – Кравченко тревожно потянул носом. – У меня ножки в печке дочерна закоптились.

– Буша? – деловито осведомился Мещерский ему вдогонку. – Учти, я люблю слабо прожаренный гриль.

– Сам тогда следи, ишь, повара нашел! – гудел с кухни Кравченко. Потом загремели какие-то кастрюльки, что-то смачно шлепнулось на пол.

Катя, предоставив кухню этим двум клоунам, прошла в гостиную, огляделась. Ну как обычно – хаос на бивуаке великого путешественника! В гостиной было мало мебели, много видеоаппаратуры и географических карт. Последние лепились на стены вместо обоев: Африка, Азия, Латинская Америка, снова Африка. Огромная карта мира, скатанная в плотный рулон, валялась под телевизионной тумбочкой. В соседней комнате царил точно такой же бедлам: на полу и на софе – огромные рюкзаки, снаряжение, увесистые тюки с самонадувающимися палатками «рибок», здесь же, на столе, опутанном проводами, портативный «ноутбук», книги на стеллажах.

– Видимо, весь Российский турклуб решил устроить склад у тебя на квартире. Кстати, а где ты спишь, Сереженька? В спальном мешке на лоджии? Или в кладовке? – поллюбопытствовала она вяло.

– Вся эта амуниция стоит кучу денег, – пылко объяснил Князь. – Ребята не хотят оставлять ее в клубе. Боятся, что сопрут.

– Фи, какие вульгарные выражения!

– Не морщись. Пусть лежит, мне не мешает. – Он повлек ее к подробной карте Африки. – Смотри, мы пойдем вот таким путем: из Момбасы к озеру Виктория, затем на

юго-запад к озеру Танганьика, потом на машинах через национальный парк Серенгети и Нгоронгоро к побережью Индийского океана. Затем в Мозамбик и самолетом из тамошней столицы домой.

– Когда отчаливаете? – осведомился Кравченко. Он вернулся с кухни – жевал что-то на ходу, вытирая жирные от копченых «ножек Буша» пальцы о полотенце.

– По плану в начале сентября, только... Там, Вадь, какая-то ерунда с визами. В Кению – без проблем, в Танзанию – тоже. А вот дальше, в Мозамбик... У них там в посольстве какие-то порядки чудные, да и у нас не лучше.

– Позвони мне в понедельник, – сказал Кравченко. – Попытаюсь надавить на старые кнопки.

– За что я тебя люблю, Вадя, – доверчиво шепнул Мещерский, – так за то, что тебя даже просить не надо.

– Я знаю. – Кравченко сделал страшные глаза и топнул ногой. – Мойте руки, бездельники, ужин на столе.

На кухне пахло пережаренной курицей и пивом. На холодильнике гроыхал маленький телевизор. Катя уселась на табуретку, выбрала самую крупную отварную креветку и начала ее четвертовать, уставившись в телевизор. Шла «Свадьба в Малиновке».

– Выключить? – спросил Кравченко.

– Нет, подожди. Тут шикарный бандит – атаман Грициан Таврический. – Катя следила за перипетиями фильма. – Какой красавец! Вот бы меня умыкнул на тачанке с пулеметами такой роскошный мужчина в таких же алых шароварах, бархатном жупане и... Как вот этот хвост у него на шапочке называется?

– Петлюровка, – ответил Вадим, – тебя, Катюша, если, конечно, очень повезет, умыкнет обязательно Попандопуло. – Он положил себе на тарелку солидную порцию курицы. – Я себя не обделил? – И пропел скрипучим фальцетом: – Где же ты, Маруся, с кем теперь гуляешь?

Князь развернул свой табурет к экрану. Темные глаза его блестели от удовольствия. Катя знала, что Сергей Юрьевич Мещерский обожал революционные фильмы. От «Неуловимых» он тихо балдел, «Адъютанта Его Превосходительства» старательно записал с телевизора на три кассеты, а уж «Интервенцию» смотрел так часто, как это ему удавалось. Как ни парадоксально, но в классовых битвах гражданской потомственный князь Мещерский всегда держал сторону красных, однако вида не показывал.

– Как мы ваших-то в Крыму раздолбали, а? – при случае ехидничал Кравченко. – Барон Врангель ваш через Сиваш драпал.

– Вы тоже от нас драпали, – говаривал Князь невозмутимо.

– Это когда же, что-то не припомню.

– Драпали, драпали.

– Ну назови, хоть раз назови! – кипятился Кравченко.

– А при Полтаве?

– При Полтаве?

– Гетман ваш Мазепа едва ноги тогда унес ревматические. И все ваши поляки и казаки самостийные тоже.

– Ну, ты еще припомни битвы кривичей с полянами на заре истории. Откуда пошла есть Русская земля, – хмыкал Кравченко. – И потом, мои украинские корни загнили еще столетие назад. Я потомственный москвич, Сереженька.

Кравченко все-таки убавил звук.

– Ты смотри, – засмеялся Мещерский. – По телевизору каждый Божий день пугают: коммунисты придут, коммунисты! Ой, что будет! А здесь... лихая конница товарища Буденного: шашки вон! Нет, таких фильмов больше уже никогда не будет. Это ж классика!

– Классика-классика, – заворчала Катя, – вот вы сидите здесь, пиво пьете, креветок щелкаете, телевизор до дыр уже проглядели, а ничего не знаете. А вокруг такое творится!

– И что творится? – в один голос спросили приятели.

Катя сбивчиво рассказала о результатах поездки в Каменск.

– Она убита, понимаете? Светка у-би-та. Зверским способом. Это не несчастный случай. Ясно вам, пивопийцы?

Князь и Кравченко переглянулись.

– Ну я ж сразу сказал, что репортер, да еще милицейский, не будет раскручивать банальную катастрофку, – многозначительно заметил Вадим.

– Ничего подобного. Я и не подозревала. И в Каменске никто не подозревал, пока эксперт заключение не сделал. Они там все в луже сидят. Ничегошеньки не знают, – с жаром продолжала Катя. – А я знаю, кто ее убил. Вот теперь знаю!

– Ну кто? – спросил Кравченко.

– Только Лавровский – вот кто! – выпалила Катя. – Да, да. И еще надо посмотреть, на каком месяце она была, – зловеще добавила она.

Мещерский задумчиво сложил в пластмассовую тарелку обглоданные куриные кости.

– Ты всегда слишком торопишься, Катенька, – заметил он мягко.

– Ничего я не тороплюсь. Вадь, ну вспомни, как он тогда в примерной вел себя! Вспомни.

– Ну и как он себя вел? – спросил Вадим.

– Подозрительно, вот как. Неужели ты ничего не заметил?

– Нет. – Он пожал плечами. Глаза его с интересом следили за встревоженной Катей.

– Я тоже тогда внимания не обратила, но, как мне Сергеев сказал про убийство, меня точно током ударило: он это. Наверняка Красильникова залетела, с загсом начала приставать, угрожала, плакала, вот он ее в котлован и...

– Подожди, а чем она была убита? – спросил Князь.

– Точно неизвестно. Предполагают, что каким-то металлическим штырем.

– А почему именно штырем? Что за дикость такая?

– Ну откуда же актеру взять пистолет, Сереженька? – молвила Катя. – Он прикончил ее тем, что попалось под руку. Штырь и попался. А после инсценировал несчастный случай. И еще в милицию, мерзавец, заявил!

– А ваши что говорят? – осведомился Кравченко. – Этот твой любимый Колосов, например?

– Он занят. Они бандюгу поймали. Очень крутого. Я про него материал буду готовить, – похвасталась она. – Так что Колосов пока молчит. Ну а вы что молчите? Неужели вам не ясно, что это Лавровский, и никто другой? Он потому и по повестке в Каменск не явился. Трусит. Наверное, решил из Москвы удрать. А может, и наш с тобой визит, Вадь, его встревожил. Он думал: заявлю в милицию как о без вести пропавшей и буду сидеть тихо, как мышь, а тут...

Кравченко задумчиво кивал.

– Кто его адрес знает? – спросил он наконец.

– Сергеев. Только там что-то глухо. – Катя вздохнула. – Ребята из «Рампы» про них со Светкой могли бы кое-что порассказать. У меня завтра с утра брифинг в министерстве, а затем я, пожалуй, подъеду в Лаврушинский. У них по четвергам спектаклей не бывает, только репетиции.

Мещерский налил ей пепси, они с Кравченко потягивали «Жигулевское».

– Завтра я в полном твоём распоряжении, Катенька, – молвил он галантно.

– Па-а-жалуйста. – Кравченко схлебнул пену с кружки. – Я-то все равно при своем Чучеле сутки дежурю. Оно у меня осторожное стало. Пугливое. С тех пор как Квантаришвили пристрелили, а Кивилиди отравили, Чучело мое даже тени своей страшится. У нас

в офисе теперь чихнуть негде – везде дозиметры, амперметры, определители химического состава воздуха стрекочут.

– Ты посоветуй ему нанять специального человека, чтобы еду его пробовал, – предложил Князь с усмешкой.

– Ну да, посоветуй! Он на мне и сэкономит. Жизнь и здоровье босса – моя компетенция. – Кравченко тяжело вздохнул. – Ладно. Гуляйте завтра в «Рампу». А я уж поработаю за троих. Потом расскажете.

Глава 8 «РАМПА»

Брифинг в министерстве утомил Катю до последней возможности. Опять все одно и то же: начальственные лысины, золотые очки, магниевые вспышки, красные огоньки видеокамер, деловито снующие по залу телевизионщики, аппаратура на страусиных «ногах»-подставках.

Она уныло изучала пресс-релиз, лежащий на ее коленях, старательно записывала в блокнот цифры и прикидывала в уме, под каким наиболее забористым заголовком можно подать в газете этот пресный официоз.

Едва-едва дождалась конца брифинга, накинула шубку и стремглав выскочила в министерский вестибюль сквозь железные ворота-«пищалки», призванные распознавать замаскированных террористов, покушающихся на спокойствие МВД. У чугунной министерской ограды уже маячили синенькие «Жигули»: Князь, как истый джентльмен, явился на свидание заблаговременно.

– Сереж, а вот и я. – Катя открыла дверцу и села на переднее сиденье.

Мещерский улыбнулся.

– Привет, что-то ты быстро.

– Быстро? Да я там чуть от скуки не умерла.

– Я приготовился ждать до четырех. – Князь потупил темные глазки, опущенные длинными ресницами. Эти совершенно девичьи ресницы у взрослого тридцатилетнего мужика умиляли Катю. «Ах ты, Скромняга!» – подумала она. Ей тут же представился гном из «Белоснежки».

– Брифинг запланирован по времени так, чтобы информация успела поступить в дневные выпуски новостей, – пояснила она.

– Ясно. Ну что, поехали? – Он повернул ключ зажигания. – Если по Кольцу, то до Ордынки, а затем к метро, так?

– Так. А там я покажу, как проехать.

Катя внимательно изучала свое отражение в переднем зеркальце. Достала из сумочки помаду «Ревлон» и деловито подкрасила губы. В зеркальце она перехватила взгляд Князя.

– Красивая, красивая, – похвалил он, въезжая в потоке машин в туннель. – Я рад, Катенька, возможности наконец-то поговорить с тобой об очень для меня важной вещи.

«Вот сейчас он признается мне в любви, предложит руку, сердце и титул, и я...»

– Кать, мы отправляемся в экспедицию! Представляешь? Я прямо сам не свой от радости. Столько всего пришлось вытерпеть! – Князь замотал круглой, коротко стриженной головой. – Во-первых, финансы. Это такая прорва денег! Два джипа, снаряжение, продукты, оплата дороги, бензина, услуг проводника...

Катя вздохнула и вспомнила слова Кравченко: «Вот увидишь, когда ты станешь его женой, он по ночам будет читать тебе отрывки из путевого дневника Миклухо-Маклая и отчеты о заседаниях Российского географического общества».

– Насилу спонсоров нашли! Компания «Кока-кола». Условие – на наших джипах будет их фирменный знак, – с воодушевлением продолжал Князь. Он поминутно оборачивался к Кате и совершенно не следил за дорогой. – И все-таки нам с ребятами тоже пришлось влететь в копеечку. Но ничего, Африка стоит любых денег!

Кстати, мне пришлось отстаивать право на поездку в Серенгети буквально со шпагой в руках. Салазкин из Питера тоже подал заявку. Я его спрашиваю тихо-вежливо: за каким чертом тебя несет на Лимпопо? Ты же по Арктике и Антарктике все время ползал – на оле-

нях там, на собачьих упряжках. А он нагло так: куда хочу – туда и еду. Сам топай в Антарктику. Амундсен ты наш заполярный. Я ему хотел морду бить, да... В общем, утвердили мою заявку. Но интриги, интриги! – Князь взмахнул рукой и чуть не врезался в грузовик. Взвизгнули тормоза.

– Я буду скучать без тебя, Сереженька, – вкрадчиво сказала Катя. – Привези мне из Африки шкуру леопарда.

– Я тоже буду без тебя скучать, дружок. Но ведь через полгода я вернусь, а леопарды в Красной книге.

– Тогда шкуру зебры. Будет очень даже эффектно смотреться – такая полосатенькая.

– Попробую. Эх, жаль, что ты с нами не хочешь! А то бы... – Он мечтательно вздохнул. – Сейчас вон буржуа наши на сафари едут. А это чушь. Недельку в стеклянном автобусе – что там можно увидеть? А здесь простор: озера, водопады, Килиманджаро, саванна, океан Индийский... Эх! Тебе бы, как писателю, оченьгодились эти африканские впечатления.

Катя ласково погладила Князя по руке, сжимавшей рычаг переключения скоростей. Он-то знал, как можно доставить ей наивысшее удовольствие. Писатель... Из всех ее знакомых только Мещерский не подшучивал над ее мечтой стать знаменитой писательницей. «Ты очень талантлива, – говорил он ей. – Тебя ждет успех».

– Может быть, все-таки и правда тебе поехать со мной, а? – Он предлагал это с самым серьезным видом. – Скажи своим на работе, что ты, в конце концов, писатель, тебе необходимы впечатления и ты едешь охотиться на львов в саванну.

– А мой начальник ответит, что таких Хемингуэев, как я, выставляют из органов в двадцать четыре часа, – засмеялась Катя. – Нет, нет, Сереженька. И потом, там змеи, эти ужасные странствующие муравьи, мухи цеце и людоеды. Нет, я уж лучше подожду тебя в Москве.

Они проехали по Ордынке и свернули к станции метро «Третьяковская». Возле галереи Мещерский по просьбе Кати остановился.

– Тут нет проезда. Тупик. Пойдем пешком.

И они, увязая в нерасчищенном снегу, направились в глубь Лаврушинского переулка.

«Рампа» занимала подвал старинного дома в стиле модерн, располагавшегося неподалеку от Дома Островского. Катя с трудом открыла тяжелую, разбухшую от сырости дверь, и они по крутой лестнице спустились вниз, в вестибюль студии. Мещерский еще ни разу не бывал в «Рампе». С Бергманом он познакомился в «Щуке» на премьере, куда Катя брала его вместе с Вадимом. Бен-режиссер Князю очень понравился.

В сумрачном тесном вестибюле, где пахло мокрой шерстью и кремом для обуви, было пустынно. У вешалки стояли только два волосатых голенастых парня в джинсах и клетчатых ковбойках.

– Я скажу тебе, Сеня, потому что ты – артист. Настоящий артист. Девяносто шестой пробы, – трагически придушенным шепотом вещал один. – Жизнь – ничто. Наше ощущение жизни – все. Когда я еду до дороге и вижу встречный автомобиль, мне вдруг хочется направить машину прямо в лоб. Понимаешь? Я вижу, ощущаю всей кожей – взрыв, скрежет металла, звон стекол, сноп пламени. Все горит: асфальт, деревья, трава... И я горю, Сеня...

– Так нельзя, Вань, – утешал его собеседник. – Эти ощущения... Сходи-ка ты к психоаналитику. Хочешь, подкину адресок?

– У меня есть психоаналитик. Жесткий последователь Фрейда. А что толку, Сеня? Едва его пациенты заикаются о том, что помышляют о самоубийстве, он сразу требует плату за пропущенный сеанс. Нет, все это не то, – вздыхал Ваня, встряхивая гривой каштановых волос. – Душа обязана почувствовать вкус жизни. Вкус, понимаешь? Ее соль, ее боль, ее сладость. Только тогда она сумеет адекватно отразить свои переживания на сцене. А разве

они это понимают? А? Разве им это доступно? Катя бочком проскользнула мимо философствующих актеров. Мещерский последовал за ней, он то и дело оборачивался.

– Они все так здесь говорят? – шепнул он в изумлении.

Катя кивнула.

– А я думал, что так изъясняются только книжные герои.

– Они, Сереженька, и есть книжные герои. В их лексиконе полный набор готовых фраз из самых разных пьес. – Катя открыла дверь в зрительный зал.

Они с ходу окунулись в театральный мирок: сумрачная прохлада маленького партера, запах пыли, старых кулис, застоявшегося пота, духов. Ярко освещена была только сцена. Да еще в проходе пятого ряда горела канцелярская лампа на столике, заваленном бумагами. За столиком спиной к залу, лицом к сцене сидел Борис Бергман. Щуплая миниатюрная девица в трикотажном брючном костюме – явный помреж по виду – погрозила вошедшим пальцем и указала на кресла.

– Давай пока посидим, не будем им мешать, – шепнула Катя. Они укрылись в дебрях галерки.

– Не получается, не могу... Кого вообще интересует ваше настроение? Что, зритель приходит в театр ради вашего настроения? Он приходит в театр ради настроения Отелло, Макбета, Гамлета, – хрипло ворчал Бергман. – Они интересны зрителю. Они, а не вы. – Ворчание его относилось к двум молодым актерам, уныло слонявшимся по сцене в свете прожектора. – Наша профессия, дорогие мои, и состоит в том, чтобы забывать все личное: все эти «не могу», «устал», «не хочу», «не получается», и играть, играть, несмотря ни на что, едва только открылся занавес! Эх вы, да разве великий Лоуренс Оливье когда-нибудь ставил свое творчество в зависимость от своих личных невзгод?

В сорок седьмом, когда у его жены Вивьен Ли начались проблемы с психикой, знаете ли вы, что пережил этот человек? Однажды они сидели за ужином в гостиной, – вдохновенно вещал Бен. – Вы можете себе представить, как они выглядели, какая пара! Боже мой, какая пара! И вдруг у нее начался припадок. Она завизжала и вонзила вилку ему в руку. А потом у нее сделались судороги. Вы можете вообразить, с какими прелестями связана эпилепсия, мне не надо вдаваться во все физиологические подробности. А он держал ее в своих объятиях, успокаивал. А вечером уже играл в «Олд Вике» короля Ричарда Третьего, и театр плакал! Плакал и ревел от восторга! А где было сердце Оливье в это время, когда он выходил на свои поклонные публические? А?

И потом, когда Вивьен Ли уже лежала в нервной клинике, когда ее больной рассудок заставлял ее выкрикивать мужу оскорбления, угрозы, когда она до крови кусала ему руки, когда он пытался дать ей лекарство, замечали ли зрители его кровь, его боль, его отчаяние? Нет! Напротив. Все критики, все его биографы признают, что этот гениальный актер играл в тот ужасный для себя год так, как он не играл никогда прежде.

После «Ричарда Третьего» его называли Великим Оливье. А какой ценой досталось ему это величие? Какой, я вас спрашиваю? – Бен махнул рукой на повесивших головы актеров. – Я все понимаю, ребята. Но и вы поймите: «Снегурочка» – языческая пьеса. И вы обязаны дать почувствовать зрителю это язычество. «Не могу» – это не разговор. Идите, отдохните, подумайте. Я объявляю перерыв на тридцать минут. Потом будем прогонять всю сцену заново.

Актеры, тихо переговариваясь, удалились за кулисы. Катя окликнула Бена.

– Ой, ребята, привет. А мы тут отношения выясняем. – Он улыбнулся, пожимая руку Мещерскому.

– Борь, нам столько надо тебе рассказать, – начала Катя. – Ты просто не представляешь, что произошло.

– Идемте в костюмерную, там и поговорим, а то здесь сейчас начнутся танцевальные репетиции. Верочка, тридцать минут в твоём распоряжении! – крикнул он девице в трико-таже. – Ставим «Снегурочку», Катюш. Давно я о ней мечтал, это ж с ума сойти, какая пьеса! – говорил он, ведя их по тесному коридору, начинавшемуся за кулисами. – Старик Островский сорок лет писал о своем Замоскворечье, искал типажи – купцов, охотнорядцев, приказчиков, чиновников, – в общем, своих современников, бичуя пороки, поучал, читал мораль. А в семьдесят лет вдруг взял да и сочинил весеннюю сказку о любви! Вот ведь чудеса! – Он мечтательно вздохнул. – Весна, весна на дворе. О, этот пьяный воздух марта! Мы тут с нашими даже в лес ездили, чтобы ощутить на природе дух языческой Масленицы. Дух подтаявшего снега, мокрой хвои, смолистой коры...

Катя и Мещерский украдкой переглянулись. Бергман говорил слишком поэтично. Катя чуть прикрыла глаза – что делать, режиссер «Рампы» всегда такой.

– Слушай, Кэтти, может быть, подашь мне дельный совет, а? Ну, помнишь, как в конце последнего действия говорится: «Снегурочки печальная кончина и страшная погибель Мизгирия...» – Бергман распахнул дверь и пропустил их в костюмерную, одновременно служившую и раздевалкой и гримерной. – Располагайтесь вот здесь на диване. Вот. Дело в том, что я уже неделю бьюсь над этой фразой. Печальная кончина Снегурочки – она тает. На сцене это чертовски трудно организовать. Но все-таки можно: светозффекты, лужа воды, девичье покрывало. Но вот «страшная погибель Мизгирия»! Это для меня камень преткновения. Как добиться, чтобы зритель почувствовал этот страх? Как?

– У Островского Мизгирь, кажется, бросается в озеро? – спросила Катя.

– Но это же происходит за сценой! Зритель просто констатирует факт: был Мизгирь, торговый гость, и нет Мизгирия. Но где же здесь вложенный в эту фразу Островским ужас, трагедия? Ведь гибели-то главного героя зритель не видит. Зритель – не очевидец событий, вот что обидно.

– Может быть, поставить действие так, что он вонзает себе нож в сердце? – вдруг робко предложил Мещерский. – Тогда все произойдет прямо на глазах публики. Можно даже переборщить с красными чернилами. Лужа крови на сцене – это ли не впечатляет?

– Кровь на сцене? – задумчиво переспросил Бергман. – Ну нет, это как-то уж чересчур. Слишком натуралистично. Я вообще не переношу вида крови. Мизгирь умирает ради любви. Это должно вызывать у зрителя слезы, а не тошноту.

– Борь, к сожалению, мы сообщим тебе сейчас нечто такое, что и слезы... и тошноту... ну, в общем... – Катя запнулась, а затем, собравшись с духом, начала рассказывать обо всем, что ей удалось узнать в Каменске.

Смуглое лицо Бергмана посерело.

– Ужас! – прошептал он, когда Катя умолкла. Встал и в волнении заметался по костюмерной. – Кто же с ней сотворил такое, а?!

– Кто! Следствие только началось, прокуратура дело возбудила. Вас всех будут допрашивать.

– Да ради Бога, только что мы сможем сказать? Эх, Светка, Светка, что же с тобой, девочка, случилось? Где же его искать, этого подонка? – Его трясло, словно в лихорадке.

– Слушай, Борь, а Лавровский здесь не объявлялся? – осторожно спросила Катя.

– Толька? Нет. А ты его разве на куртуазниках не видела?

– Да видела, только... Ему оперы из Каменска повестку оставляли, а он почему-то не явился, даже следователю не позвонил. Здесь сейчас нет никого, кто бы мог сказать, где его можно найти?

Бергман задумчиво почесал сизоватый бритый подбородок.

– Посидите-ка здесь минуточку. Я сейчас Ваню Полетаева поищу. Он царя Берендея играет, следующая сцена по плану – как раз его. Должен уже подойти. – Бергман стрелой выскочил из костюмерной.

– Странно, что они ставят именно «Снегурочку», – заметил Мещерский тихо.

– Почему? – Катя задала вопрос машинально, она напряженно думала.

– Ну, сейчас все больше какие-то навороты в моде: жизнь подвальная, героиня, философствующая на унитазе, постельные сцены из жизни бомжей. А тут Берендей, Снегурочки, любовь... Классика, в общем. Несовременно. – Голос Князя дрогнул.

– Красиво, нежно. Иногда хочется, как верно замечали наши предки, «воспарить душой». Бен – романтик. К тому же он просто помешан на сказках и мифах. Еще на третьем курсе он поставил «Дикого охотника» – баллада есть такая старонемецкая. И знаешь, как поставил!

– Возьми меня с собой на премьеру «Снегурочки», ладно? – попросил Князь.

– Конечно, возьму. Только если ты к тому времени не уедешь в свой знойный Серенгети.

– Но ведь я вернусь.

– А, ну тогда конечно...

– К тебе вернусь, Катенька, я...

Появился Бергман. Следом за ним в костюмерную, точно смерч, влетел тот самый долговязый парень Ваня, рассказывавший своему собеседнику о тяге к самоуничтожению в автокатастрофе.

– Так, значит, Светку убили?! – выпалил он прямо с порога. – Кто?! Где он?!

– Тише, Ваня, тише. Они не знают, следствие только началось, – успокаивал его Бен. – Ты вот лучше скажи, куда Лавровский запропастился?

– Лаврик? Да откочевал куда-то. Дома его нет. Я ему и вчера, и позавчера названивал.

– То есть как это откочевал? А его контракт? А театр? – Бен возмущенно засопел.

– А может, квасит у какой-нибудь подружки, – хмыкнул Полетаев. – Он ведь расслабляется время от времени. Ты же знаешь.

– Простите, а вы не могли бы подсказать, где он чаще всего бывает? – спросила Катя. – Вот он называл нам одного человека. Павел, Павел...

– Пашка? Могиканин? Вот, точно! Может, он у него на якорь встал. В мастерской. У Пашки деньги появились, он очередную *статую* толкнул на выставке. Скорее всего, празднуют.

– А где он живет?

– Могиканин? Да обычно в мастерской и живет. – Полетаев заулыбался. – Он, когда работает, встает в шесть утра и иногда даже есть забывает. Ну так Роден, Эрнст Неизвестный же! Мастерская его в старом цехе на Котельнической набережной. Там консервный завод накрылся, так Строгановка сняла в цехах помещения под свои студии. Там крыша стеклянная, света много, просторно и мусорить можно сколько душе угодно. Все условия для работы. Они там даже отливают кое-что сами. Кустарно, правда, но для эскизов сойдет, – рассказывал он.

– А как найти этот цех? Как туда добраться? – деловито осведомился Мещерский.

– Несложно. Дом на набережной высотный проедете и вдоль реки. Там будут все домики, домики, а затем фабрика старая с трубами. Мимо нее, следующее здание и в глубь двора. Цех номер три. Да там богема, народу полно всегда: художники, мазилы. «Улей» вся эта канитель называется. Спросите любого – сразу вам мастерскую Могиканина покажут.

– А как его настоящая фамилия? – не отставал Князь.

– Могиканин и есть настоящая, – усмехнулся Полетаев. – Это его псевдоним. Все давно привыкли, зовут только так. Настоящую-то, я думаю, он и сам уж забыл.

– Может быть, ему можно позвонить в мастерскую? – спросила Катя по своей репортерской привычке.

– Там нет телефона. Да так езжайте! Только с утра надо. Утром он всегда там торчит, а вечером или по друзьям, или по Арбату шляется, – сказал Полетаев, поднимаясь с дивана. – Ну ладно. Мне еще переодеться надо для репетиции. Вы меня в курсе держите насчет Светкиного дела. Я с этим гадом сам разберусь, когда дознаюсь. Никакой милиции мне для этого не потребуется. – Он стиснул костлявый кулак и продемонстрировал его недошитому костюму боярина, висящему на двери костюмерной.

Бергман проводил Катю и Мещерского до вестибюля.

– Ребята, звоните. Мы все поможем, чем сможем, – сказал он на прощание. – Если Лавровский объявится, передадим, чтоб срочно связался со следователем в Каменске. Ты мне, Катюша, напиши его телефон и фамилию.

Катя написала.

– Спасибо, Борь! – Мещерский крепко пожал ему руку. – Это просто чудесно, что ты сейчас задумал ставить «Снегурочку». Удачи тебе...

– Сегодня к Могиканину не поедem, – решила Катя, когда они возвращались к машине. – Пять часов уже. Темнота. Ищи там этот «Улей» в подворотнях. Мы туда с тобой, Сережа, на днях соберемcя. Я тебе позвоню.

– Как скажешь, – покорно ответил Мещерский.

Катя вздохнула: Князь был существом покладистым, не то что...

Глава 9

ТРУП В ЛЕСУ

Этот день – 2 марта – запомнился Кате надолго. Утром, едва только она переступила порог пресс-центра, следом за ней ворвался Тимка Марголин – шеф телегруппы.

– Петровская, живо, одна нога здесь, другая там, иначе опоздаем! – распорядился он, на ходу бросая Кате мятный леденец.

Она ловко поймала конфету.

– Куда мы опоздаем, Тимофей Владленович?

– Как куда? Ах, правда, ты же не в курсе! Притон, притон берут в Луговцах! Едут прямо с утра – пока они еще тепленькие, не очухались. Ты же сама меня просила – возьми да возьми с собой!

– Ой, Тимочка, и правда. Гран мерси. Я мигом. – Катя лихорадочно нашарила в ящике стола блокнот, запасную ручку и, прижав сумку к груди, понеслась вслед за Марголиным.

У главка разводили пары старенькие желтые «Жигули». Внутри битком набились крепкие ребята из наркотического отдела. За рулем важно восседал третий оператор телегруппы Лева Львов. Катя с трудом примостилась с краю.

– Камеру, камеру не повредите! – тревожился Марголин, юлой вертевшийся на переднем сиденье. – Леш, я же тебе ее в руки дал, в руках и держи. Не клади Бондареву на живот! Я кому сказал! Чуть машина на ухабе подпрыгнет – и ау, прощай техника!

– А остальные где? – спросила Катя.

– Да остальные минут уж двадцать как отчалили, – ответил тот самый опер, в живот которого упирался марголинский «Панасоник». – Лева, голубь, жми на всю железку. Мы должны быть там через полчаса.

«Жигули» ехали быстро, даже слишком, на Катин взгляд. Тряслись, завывали, визжали тормозами на ухабах и поворотах. На крыше мигал прилепленный Львовым синий «маяк».

– Мы что, с такой вот штукой прямо к самому притону подъедем? – недоумевала Катя. – Так они же все сразу разбегутся.

– Это для столичных гаишников, – пояснил Марголин. – Они наши номера знают, да еще мигалка на крыше. Значит, область куда-то по делам мчится важным, служебным – не могли задерживать. А там, Катенька, за эти двадцать минут форы притон уже приступом взят, будь спокойна. Чуть опоздаем, но не беда. Самое интересное начнется, когда «травку» искать будут.

Миновали Кольцевую. Москва кончилась. Дальше, дальше – сосновый лесок по обеим сторонам шоссе, домики, деревеньки. У железнодорожного переезда Львов свернул с автомагистрали на заснеженный проселок. «Жигули», точно желтая жаба, заскакали по ледяным колдобинам.

– Камеру держите! – завопил Марголин, Катя вцепилась в спинку переднего сиденья.

– Вон тот дом, – указал один из оперов на одиноко стоявший у подножия невысокого холма, поросшего жидким леском, двухэтажный кирпичный особняк, огороженный высоким забором. У настежь распахнутых железных ворот – три легковушки и маленький автобус. – Крепость взята. Уже и без нас.

– А кто там живет? – спросила Катя, разглядывая мощные кирпичные стены, железную крышу и сводчатые окна особняка.

– Кто-кто в теремочке живет? Братья ромалы, – усмехнулся опер, – цыганское племя. Египетские короли.

К их машине уже бежал Валентин Петров из отдела по борьбе с наркотиками.

– Быстрее подключайтесь! – крикнул он. – Дусю уже привезли. Сейчас она скажет свое веское слово.

Катя хвостом прицепилась к Марголину, вооружившемуся «Панасоником». Они вошли на каменное крыльцо и открыли дверь цыганского дома. Шум, визг, вой – Катя едва не оглохла. В прихожей – гора обуви: детские башмаки, больше похожие на опорки, женские сапоги и туфли со сбитыми каблуками. И ни одного мужского ботинка!

В огромной комнате, смахивающей на спортивный зал, никакой мебели, только ковры на полу и на стенах. Грязные, затоптанные ковры. В углу на корточках сидели пять жирных старых цыганок и две молодки. Все одеты по турецкой моде: в нелепых кофтах с кружевами и люрексом, цветастых юбках. Над ними, «яко утес на Днепрэ», возвышался омоновец. У окна застыл второй.

Женщины галдели наперебой, то и дело тыкали грязными пальцами в сторону милиционеров и время от времени начинали подвывать. Одна из старух, этак килограмм на полтора, поднялась с корточек и, выпятив вперед увесистый бюст, подплыла к омоновцу.

– Где ваш начальник? – пророкотала она хриплым басом. – Давай его сюда!

– Сейчас подойдет, – невозмутимо ответил тот.

– Не кричи, не кричи, тетя Маша! – миролюбиво отозвался из коридора Петров.

– Сюда иди! Объясняться будем! В мой дом ворвались! Это что?! – гудела тетя Маша.

– Ты мне лучше скажи, что за гости у тебя на кухне, как дрова, лежат? – спросил Петров.

– Я их не знаю! – отрезала цыганка. – Переночевать попросились, мы пустили.

– Пустили да «травкой» и угостили. Опием, – уточнил Петров.

– Не было этого! Никакого опия нету! – Агатовые глаза цыганки яростно блеснули. – Ищите! Хоть весь дом обшарьте – ничего не найдете! Крестом клянусь!

Марголин ринулся на кухню. Катя пошла за ним. Там ее поразила удивительная смесь грязи и комфорта. Ржавая раковина, потолок весь в потеках, стены залепаны жирными пятнами. Зато – два огромных холодильника «Дженерал электрик», две микроволновые печи, липкие и жирные на ощупь, тостеры, ростеры, электрочайники, кофеварки. Все это немытое, тусклое, захватанное.

На полу в углу кухни в обнимку спали трое волосатых парней в кожаных «косухах». Марголин снял их крупным планом. Подошедший опер потряс одного за плечо. Тот что-то нечленораздельно промычал.

– Готовы. Двойная доза. – Он задрал одному рукав кожанки. На сгибе локтя – две яркие точки. У второго и третьего – то же самое.

– Шприцы ищи, – велел коллеге Петров. Шприцы отыскились быстро – в мусорном ведре под раковиной.

Там же среди пакетов, картофельных очисток, банановой кожуры – сломанные иголки, окровавленная вата и целый выводок рыжих тараканов.

– Тоже кайф словили, – хмыкнул Петров.

– В таком свинарнике? – Катя брезгливо поежилась.

– Им, Катенька, все равно, где дракониться, – ответил он. – В подворотне, в подъезде, в луже, в переходе. Здесь крыша, доза под боком – только плати цыганкам за косяк да за постой. А грязь, тараканы – наплевать им на это. Это ж наркота! – В его голосе сквозили презрение и жалость.

– А товар нашли? – деловито осведомился Марголин.

– Идите наверх. Там у них общественная спальня. Там сейчас Дуся вовсю шурует, – усмехнулся Петров.

«Что еще за Дуся?» – гадала Катя, карабкаясь по узкой крутой лестнице вслед за оператором.

Цыганская спальня оказалась такой же огромной, что и гостиная, почти во весь второй этаж. У стены сразу две дорогие стенки. За стеклами горок разная фарфоровая дребедень – мопсы, балерины, пастухи, пастушки. Тут же богемский хрусталь, тут же микроволновая посуда из дешевой керамики. На полу – полосатые матрацы, перины, ковры, подушки, одни скатаны в рулоны, другие расстелены прямо на неметеном линолеуме.

Вдоль стенок медленно прохаживались несколько человек. «Это понятые, ребята из наркотического, – определила Катя. – А это... Господи ты Боже мой!»

– Дусенька, умница, здесь, да? Ты уверена? – тихо спрашивал высокий молодой парень в джинсах и потертой кожаной куртке. Слова эти адресовались низенькой и кривоногой таксе. Вытянувшись в струнку, она внимательно принохивалась к нижней секции стенки. Затем твякнула и поскребла лапкой дверцу. – Понятые, пройдите сюда, пожалуйста, – попросил опер в куртке. Два парня в рабочих спецовках приблизились. Марголин приготовился снимать. Сыщик открыл нижний ящик. Там – мешки и мешочки. Он развязал один и сообщил: – Сахар, Дуся.

Такса презрительно твякнула и, встав на дыбки, сосредоточенно обнюхала мешочки. Затем она начала в них возбужденно рыться. Опер вытащил еще несколько пакетов и...

– Ага, есть. Молодчага, Дуся.

Извлеченный на свет Божий пакет с маковой соломкой тянул на шесть килограмм. В последующие два часа такса Дуся обнаружила еще несколько подобных пакетов в тайниках в стене спальни, под мойкой на кухне и среди грязного тряпья, наваленного в кладовке. В уборной и шкафчике сыщики отыскивали также восемь пузырьков с мутной жидкостью.

– Там сырье, здесь – готовый продукт. Экстракционный опий. – Петров рассматривал пузырьки на свет. – Экспертиза точно подтвердит. Ну, ребята, вот теперь идемте с *ромалами* беседовать предметно.

Ромал допрашивали несколько часов. Катя и Марголин присутствовали при самой интересной беседе: Петров находил общий язык с тетей Машей.

На изъятие в доме наркотики она прореагировала спокойно.

– Э, глупости! Это вы, может, сами мне подкинули.

– Изъято при понятых, – парировал Петров.

– Понятые тоже люди, люди деньги любят, – не сдавалась тетя Маша.

– Ты ж меня знаешь не первый год, я с людьми проверенными работаю. Они мзды не берут.

– Да? – Тетя Маша колебалась.

– Кто изготавливал? Кто сбывал? – настаивал Петров. – Давай называй имена, конкретные имена. Иначе заберу всех твоих дамочек. И тебя тоже.

– Они многодетные матери! – вскипела тетя Маша.

– Тем лучше. Будет кому передачи носить. Жизнь сурова, а ответственность за сбыт наркотиков еще суровее. Не назовешь конкретного ответчика, заберу всех. Весь кагал ваш. И будем предъявлять обвинение табору.

– Не уважаешь ты меня, нет, не уважаешь. – Тетя Маша покачала седой головой, затем взяла со стола пачку «Кэмела», вставила сигарету в рот. – Прикурить дай.

Петров царским жестом щелкнул зажигалкой. Она закурила, выпустила из ноздрей клубы дыма. Катя украдкой покашляла.

– Ну, тетя Маша, решай. Все в твоих руках.

– Лелька и Рада, – процедила цыганка. – Они вдвоем. Их вещи, их дело – их ответ.

– Рада, кажется, мать-героиня? – спросил Петров. – У нее сколько детей?

– Девять.

– А у Лельки?

– Пять. Зато все мальчики.

– Что ж ты их не жалеешь, тетя Маша?

– Почему не жалею? – Глаза цыганки так сощурились, что превратились в аспидные щелочки. – Их дело – их ответ. А пожалуй... Деньги соберем – на залог. Сейчас под залог суд из-под стражи любого выпустит.

– Только не торговца наркотиками.

– Это смотря сколько предложить, – усмехнулась бандерша, раздавливая окурочек о ладонь. – И за кого. За мать-героиню залог возьмут. Детей зря, что ль, рожала? Медаль получила? Неужели и *послабления* ей никакого не выгорит?

Петров только тяжело вздохнул.

– Ладно, идем с Лелькой и Радой беседовать.

Когда они ушли с кухни, Катя спросила Марголина:

– Она их сдала, да?

– Да. И глазом не моргнула. Выбрала самых выгодных. Сейчас они всю «травку» на себя возьмут, а там – дети, залог и...

– А ее саму разве нельзя арестовать? Она же хозяйка этого дома.

– Дом по документам принадлежит ихнему барону. У цыган женщины собственностью не владеют. На тетю Машу, хоть она и всем тут заправляет, показаний никто не даст. Клан жертвует власти двух соплеменниц. Вынужденно жертвует. Затем будут выручать. Цыгане своих на произвол судьбы никогда не бросают, – пояснил Марголин.

– И эти Лелька с Радой во всем признаются?

– Бандерша прикажет, признаются как миленькие.

– Пойдем посмотрим на них, – предложила Катя. Цыганок уже выводили, как говорится, с вещами. Рада и Лелька оказались теми самыми молодками в турецких кофтах с люрексом. Их сопровождала целая туча ребятишек от двух до двенадцати лет. «Откуда дети-то взялись? Их ведь во время обыска не было», – удивлялась Катя. Молодки голосили, но все больше для вида. Вокруг Петрова увивался чумазый полуголый малыш, не к месту повторявший странную фразу:

– Дядь, дай доллар, на пузе спляшу.

– Валь, а где ихние мужчины? – спросила Петрова Катя. – Они что, здесь не живут? Смотри, даже обуви нет мужской в прихожей.

– Мужики кочуют, – ответил тот. – «Травка», транзит, охрана, денежная выручка – это все их дела. Они тут только наездами бывают. Сейчас где-нибудь по Рязани, по Казани шуруют.

С цыганским притоном управились только к четырем часам. Катя украдкой вздохнула: «Нет, нелегкий хлеб у сыщиков. Нелегкий. Весь день на ногах и...»

– Эх, буфет закроется, пока до главка доедем! – сокрушался Марголин на обратном пути. – Я есть хочу, как стадо динозавров!

Дома, в «управе», Катя только-только успела сбросить шубу и включить самовар в розетку, как вдруг зазвонил телефон. Она подняла трубку.

– Петровская? Привет, Колосов.

– Здравствуй, Никита.

– Ты просила взять тебя как-нибудь на место происхождения... Если хочешь – едем.

Катя с тоской взглянула на начинающий закипать самовар. Да, это правда. Как-то она заикнулась о таком своем желании. Колосов тогда от нее просто отмахнулся. А тут вдруг... Что же случилось? Зачем он берет ее с собой? Ведь шеф «убойного» никогда ничего не делает просто так, он...

– А что произошло?

– Убийство. На пятьдесят пятом километре Ленинградки. Ну ты едешь?

– Я иду, Никита.

Она выключила так и не вскипевший самовар, погасила свет в кабинете и поспешила в розыск.

У дежурки стояли два сыщика, оба недовольные и хмурые. Колосов закрывал на ключ дверь своих апартаментов.

– Саша, фонарик взял? – спросил он. – А то в прошлый раз у эксперта батарейки сели, так спички пришлось жечь.

– Взял, Никита, – ответил опер.

Они сели в белые розыскные «Жигули». Колосов водил машину сам.

– Поехали, – объявил он и, лихо развернувшись в переулке, вырулил на Тверскую.

Катя молча смотрела в окно – дорога, снова дорога и сумерки. Мартовские сумерки. Вдоль Ленинградского шоссе зажигались фонари.

На душе ее скребли кошки. Вот ведь человек! Вечно всем недоволен. Когда мало впечатлений – плохо, писать не о чем. Когда много – тоже плохо: устала, надоело, спать хочется, спину от долгой тряски в машине ломит. Часы на приборной панели показывали половину шестого. Пока доедешь до этого 55-го километра, будет уже семь, а там...

Молодой рыжий и веснушчатый оперативник, сидевший справа, угостил ее жареной картошкой из пакетика. Картошка была соленой и хрустящей. Навстречу по шоссе неслись грузовики, «Икарусы», легковушки. У Водоканала возле автозаправки «Шестиногая собака» выстроился длиннющий хвост машин. Быстро темнело.

– Бензина хватит, Никит? – спросил рыжий Катин сосед.

– Я у шофера шефа позаимствовал.

– Дал?

– Крепя сердце. Только тебе, сказал, потому что уважаю.

Проехали Химки. Шоссе ложилось под колеса мокрой черной лентой. Километры, километры... Катя притихла. Ее терзало только два жгучих желания: есть и спать. Она устала от цыганского притона, она...

– Вон прокурорская «Волга» фарами мигает. Ребята из ОВД уже давно на месте, – заметил рыжий. – Там снег, наверное, глубокий в кювете, Никит? Как думаешь? Сапоги бы резиновые, да где их взять?

Снег действительно оказался глубоким, почерневший, ноздреватый. Катя ползла по следам Никиты, его широкая спина заслоняла ей весь обзор. Вон елка, сугроб, люди какие-то копошатся и...

Тело лежало в снегу, а вокруг него было много–много разных следов – снег буквально испещрили. Катя даже не обратила внимания на то, чем были заняты все эти умные, хмурые и деловитые специалисты: следователь, сыщики, судмедэксперт, криминалист. Ее внимание поглощало только мертвое тело.

Мужчина без головного убора, шатен, худощавый. Одет в крэговую дубленку, черные джинсы, меховые ботинки с нелепыми пряжками на каблуках, в окоченевших пальцах зажаты розовые комья снега – в агонии он, видимо, царапал снег.

Опергруппа работала сосредоточенно и неторопливо.

– Света достаточно? – спросил криминалиста следователь. В руках его – твердая папка, бланки. Примостившись на поваленном дереве, он заполнял протокол осмотра места происшествия.

Судмедэксперт в резиновых перчатках осторожно повернул труп. Катя отшатнулась и чуть не упала, споткнувшись о сугроб. У мертвого человека не было лица. Только какое-то кровавое месиво – лохмотья мяса, кожи, кое-где сквозь все это белели черепные кости.

– Зверье обьяло, – шепнул ей рыжий опер. – Лисы, барсуки – чтоб их! И обязательно за лицо цапнут, гады!

Кате частенько встречались в сводках упоминания о неопознанных трупах, ставших жертвой мелких лесных хищников. Теперь она видела это воочию. Подавляя тошноту, она подошла ближе.

– Сергей Андреич, записывайте: резаная рана на горле размером... – диктовал судмед-эксперт.

Следователь быстро писал. Затем склонился над трупом, и они с экспертом о чем-то заспорили вполголоса.

– Горло перерезали – видишь, сколько крови под него натекло? Дубленка, рубашка, все примерзло, – шептал рыжий опер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.